

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ИНСТИТУТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

КАФЕДРА РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

**КАТЕГОРИЯ ДИМИНУТИВНОСТИ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ И
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ДИМИНУТИВНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
45.04.01. Филология
очной формы обучения
группы 04001623
Лысых Анастасии Валерьевны

Научный руководитель
к.ф.н., доцент
Шерстюкова Е.В.

Рецензент
к.ф.н., доцент кафедры
иностраных языков БУКЭП
Крот О.Н.

Оглавление

Введение	3
ГЛАВА I. КАТЕГОРИЯ ДИМИНУТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	6
1.1. Трактовка понятий «диминутив», «диминутивность»	6
1.2. Прагматический аспект категории диминутивности	9
1.3. Способы выражения категории диминутивности	17
в русском и немецком языках	17
Выводы по главе I	22
ГЛАВА II. ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ДИМИНУТИВОВ В ТЕКСТЕ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА.....	25
2.1. Реализация прагматического аспекта категории диминутивности	25
2.1.1. Диминутивы с семой малости	26
2.1.2. Диминутивы, служащие для передачи характеристики	34
2.1.3. Диминутивы, передающие субъективную оценку	43
2.1.4. Диминутивы-обращения с указанием статусно-ролевых отношений между героями	60
2.1.5. Диминутивы, передающие национально-культурный аспект.....	66
2.1.6. Диминутивы, относящиеся к профессионализмам и устойчивым наименованиям	72
2.2. Особенности перевода диминутивов	73
2.2.1. Полная передача лексической единицы с использованием диминутивного суффикса	74
2.2.2. Перераспределение значений (лексическая трансформация)	74
2.2.3. Узуальная подстановка	76
2.2.4. Альтернативная подстановка	78
2.2.5. Транслитерация	79
Выводы по главе II	82
Заключение	83
Библиографический список	85

Введение

Выпускная квалификационная работа посвящена исследованию коммуникативно-прагматических особенностей категории диминутивности и сопоставительному анализу выражения данной категории в русском и немецком языках, а также систематизации способов перевода диминутивов русского языка на немецкий на примере произведений художественной литературы XIX – XX веков. Новые тенденции в лингвистике выдвинули на первый план круг вопросов, связанных с экспрессивной и эмотивной функцией языка, применительно к адресату и интенциям адресанта высказываний. Кроме того, при исследовании речи (как письменной, так и устной) особое внимание уделяется контексту и коммуникативной ситуации в целом. Наличие большого количества лингвистических исследований, появившихся в последние годы и посвященных поиску новых путей решения проблемы эмоциональности в языке, свидетельствует об **актуальности** выбранной темы.

Категория диминутивности изучается в довольно узком понимании, и определяется весьма ограниченно – выражением размерности или интенсивностью проявления какого-либо признака. Однако диминутивы способны коренным образом менять смысл высказывания, произнесенного в определенной коммуникативной ситуации. Изучение категории диминутивности позволит расширить диапазон понимания смысла данной категории, а следовательно и преобразовать систему перевода художественных произведений, где контекст особенно важен для осмысления языковой ситуации. **Научная новизна** работы заключается в рассмотрении категории диминутивности в прагматическом и в сопоставительном аспектах.

Цель данной выпускной квалификационной работы заключается в определении коммуникативно-прагматических особенностей диминутивов при их функционировании в языке художественной литературы XIX – XX веков, анализ способов перевода диминутивных единиц русского языка на немецкий

язык, а также возможность передачи оценочных значений категории диминутивности русского языка в немецких переводах произведений художественной литературы.

Для того чтобы достичь поставленной цели, необходимо решить ряд **задач**:

1. уточнить объем понятия «диминутивность»;
2. при анализе основных словообразовательных моделей, выявить, как диминутивность может быть выражена в немецком языке на морфологическом и лексико-семантическом уровнях;
3. рассмотреть прагматический аспект реализации категории диминутивности;
4. исследовать основные коммуникативные ситуации, в которых реализуется семантика диминутивности;
5. рассмотреть основные способы перевода слов с суффиксами субъективной оценки русского языка на немецкий язык;
6. прокомментировать прагматические оттенки значений диминутивов и переводческие решения.

Объект исследования – категория диминутивности в русском и немецком языках в сопоставительном аспекте.

Предмет исследования – функциональные характеристики диминутивов в различных коммуникативных ситуациях, а также способы перевода диминутивов на немецкий язык.

Теоретическую базу исследования составили труды К.С. Аксакова, И.С. Алексеевой, А.В. Федорова, Л.С. Бархударова, А.А. Шахматова, Н.Д. Арутюновой, А.А. Ивина, Е. М. Вольф и др.

При написании выпускной квалификационной работы использовались следующие лингвистические **методы** исследования:

- 1) метод контекстуального анализа;
- 2) метод сплошной выборки;
- 3) метод лингвистического описания;

4) метод сопоставительного анализа.

Данная выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

Во **введении** ставятся цель и задачи выпускной квалификационной работы, обосновывается актуальность выбранной темы и новизна научного исследования, характеризуются методы анализа, фактологический материал.

Глава первая является теоретической и посвящена характеристике категории диминутивности, прагматическому уровню ее реализации и способам перевода диминутивов русского языка на немецкий язык.

Глава вторая данной выпускной квалификационной работы представляет собой выделение основных групп диминутивов в соответствии с их коннотативным значением, рассмотрение переводческих решений и переводческих трансформаций.

ГЛАВА I. КАТЕГОРИЯ ДИМИНУТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Трактовка понятий «диминутив», «диминутивность»

Термин «диминутивность» имеет латинское происхождение – «diminuere» – раздробить, уменьшить, ослабить. В русской лингвистике данный термин имеет значение «уменьшительность». В словаре лингвистических терминов Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой уменьшительность рассматривается в качестве эквивалента категории субъективной оценки, что весьма значимо с точки зрения прагматики (Розенталь, 1985). В работе Ахмановой под диминутивностью (уменьшительностью) понимается «обобщенное значение малого объема, размера и т. п., обычно выражаемое посредством уменьшительных аффиксов и сопровождающееся различными эмоциональными окрасками – ласкательности, уничижительности и т. п.» (Ахманова, 2004: 102).

Следует отметить, что термин «диминутив» используется редко в работах отечественных лингвистов, как правило, он замещает термины «уменьшительно-ласкательный суффикс» или «уменьшительное производное», выступая как синоним. В работах зарубежных лингвистов, базирующихся на материале как русского, так и многих других языков, он получает более широкое толкование. Диминутивом могут быть названы:

1. конкретный морфологический показатель – например, суффикс существительного, выражающий значение «уменьшительности».
2. производная словоформа, образованная при помощи показателя такого типа.
3. словообразовательное значение, передаваемое соответствующим показателем.

4. сложная семантическая категория, объединяющая частные значения, выражаемые с помощью различных языковых средств.

В последнем случае диминутив, как правило, рассматривается в соотношении с другими семантическими категориями, такими, например, как категория размерности, категория оценки, категория количества.

В настоящий момент тема анализа категории диминутивности является слабо разработанной в академической литературе. Исследованиями данной категории занимались отдельные российские ученые (И.П. Иванова, Е.С. Кубрякова, Е.Ю. Протасова, А.М. Родимкина, И.И. Туранский, А.А. Уфимцева), но сфера данных исследований ограничивалась морфологией и словообразованием и проводилась в рамках одного языка. Нет ни одной монографии, посвященной особенностям функционирования семантической категории диминутивности в немецком языке или специфике ее отражения в адекватном переводе на примере русского и немецкого языков. В современной отечественной и зарубежной лингвистике имеются работы, посвященные диминутивам на материалах отдельно взятых языков. В плане синхронии: английского (Арнольд И.В., Зятковская Р.Г., Карашук П.М., Красногорцев Л.К., Макарчев Б.В., Малишевская Е.В., Миляева Л.И., Шаховский В.И., Naas M.R.), немецкого (Мыркин В.Я., Девкин В.Н.), русского (Чернова Л.И., Шанская Т.В.) и ряд работ, выполненных в плане диахронии (Marchand H., Polzin A., Morris R., Belie A., Макарчев Б.В.). Лингвистический анализ в работах зарубежных языковедов (A. Gooch, J.H. Greenberg, M.R. Naas, D. Jurafsky, P. Munro) был значительно шире и охватывал широкий спектр языков различных народов мира, однако ни в одной из работ не был представлен сопоставительный анализ использования категория диминутивности и отражения ее в переводе на примере немецкого и русского языков.

Первые попытки сопоставительного анализа в современном языке были предприняты А.Д. Печатниковым (Печатников, 1950) и В.Я. Мыркиным (Мыркин, 1991, 1995), подвергшим анализу диминутивные единицы русского и немецкого языков. Таким образом, впервые предпринимается попытка изучить

категорию диминутивности с точки зрения семантики и прагматики, за пределами раздела морфологии, а следовательно, их воздействующей функции на адресата.

Понятийная категория диминутивности так или иначе представлена во всех языках и выражается в различных языковых формах. В русском и немецком языках преобладающим способом выражения диминутивности является суффиксация, но в немецком языке также можно встретить лексико-синтаксические конструкции. Данная категория оказывается представленной в различных языках на морфологическом, лексико-семантическом и фразеологическом уровне в зависимости от особенностей языковой картины мира того или иного народа, определяющих основные языковые стандарты выражения диминутивности. Таким образом, диминутивность не ограничивается морфологическими особенностями лексико-семантической единицы (наличием или отсутствием уменьшительно-ласкательных суффиксов).

Категория диминутивности связана с определенными функциональными стилями речи: в основном с детской речью (так называемым «языком нянь»), разговорным стилем, а также с некоторыми жанрами и сферами специальной и профессиональной коммуникации. Сложность состоит в том, что материалом для анализа служит письменная речь, в основном, жанры художественной литературы, в то время как диминутивы особенно характерны для устного общения. Языковым материалом для работы послужили произведения художественной литературы XIX – XX веков, где категория диминутивности представлена в основном в репликах персонажей. Таким образом, следует сделать поправку на то, что воздействующая сила диминутивов не одинакова при прочих равных условиях: при непосредственном общении их воздействующая функция максимальна, а в письменной речи их эмоциональная напряженность ослабевает. Кроме того, важной составляющей анализа диминутивов является контекст, в котором они были употреблены. Диминутивы обладают семантической полифункциональностью: одна и та же

форма в зависимости от контекста может иметь эмотивное уменьшительно-ласкательное или пейоративное оценочное значение. Оттенки значения обусловлены типом коммуникации, интенциями субъекта речи и коммуникативной ситуацией в целом.

Человек использует язык как важнейшее средство коммуникации, преследуя разные цели: сообщить новость, побудить адресата к какому-либо определенному действию, спросить его о чем-либо или выразить свои чувства, оценить поступки других. Язык оказывается тем инструментом, которым человек регулирует взаимоотношения с людьми, воздействуя на них в той или иной степени. Можно сказать, что, используя язык, человек влияет и на мир в целом, меняет социальную действительность. Таким образом, язык рассматривается в деятельном аспекте, который лег в основу одного из современных направлений лингвистики – прагмалингвистики.

1.2. Прагматический аспект категории диминутивности

Термин прагматика происходит от греческого слова «дело» и изучает язык «в действии», то есть в живом его функционировании. Лингвистическая прагматика – дисциплина, изучающая как средство, используемое человеком в его разнообразной деятельности. Ч. Пирс и Ч. Моррис определяли ее как науку, предметом которой является отношение пользователя к используемым им знакам (Вахтель, 2008).

Термин «прагматика» был введен в конце 30-х годов XX века Ч. У Моррисом для обозначения одного из трех разделов семиотики (наряду с синтактикой и семантикой). Однако сам прагматический аспект существования знаковых систем (в том числе и языка) был впервые тщательно рассмотрен Ч. С. Пирсом в конце XIX века. Пирс (как и Моррис, во многом следовавший его идеям) считал прагматическую составляющую основной для определения сущности знака. Знак становится таковым не благодаря своим физическим свойствам, а вследствие определенного употребления его в сообществе.

Поэтому как способ построения знаковых конструкций (синтаксис), так и отношение знаков к обозначаемым объектам (семантика) являются лишь средством для выполнения знаками их основной функции: обеспечивать коммуникацию между людьми (По: Арутюнова, 1985).

В исследовании прагматической стороны языка большой вклад внесли труды Л. Витгенштейна. В его концепции можно видеть абсолютизацию прагматического аспекта языка. В этом смысле характерен предложенный им тезис: «Значение языкового выражения есть его употребление». Язык существует не для называния предметов и не для выражения ментальных состояний. Он предоставляет людям возможность совместной деятельности, подчиненной определенным правилам. Всякий языковой знак есть своего рода фигура в «языковой игре», в чем-то подобная шахматной фигуре.

Теория речевых актов представляет собой иную линию исследования прагматического аспекта языка. В ней также признается, что основным в языке является его прагматическая, коммуникационная функция. Эта теория вводит в рассмотрение такие характеристики, как намерение говорящего и цель коммуникации и так далее. Иными словами, согласно теории речевых актов, употребление языка во многом зависит от сознания субъекта языковой деятельности (По: Арутюнова, 1985).

Согласно И.П. Сусову «Прагматика не может не опираться на представление о языке как системе средств и правил, но она делает акцент на коммуникативных процессах и контекстуально зависимых принципах использования этой системы в бесконечном множестве разнообразных актов языкового общения. Для нее язык не просто устоявшаяся система знаков или совокупность его функциональных вариантов типа литературного языка, просторечия, диалектов и т. п., а гибкий способ знаковой репрезентации опыта и коммуникативного взаимодействия между членами данного социоэтнокультурного сообщества в любой конкретной ситуации» (Сусов, 2009: 35).

В этой связи необходимо отметить, что категория диминутивности – семантико-прагматическая категория, которая является составной частью категории количества и пересекается с категорией оценки и эмотивности. Помимо выражения категории размерности она включает в себя прагматический аспект – эмоционально-оценочное отношение к предмету и адресату, соответствующее определенной ситуации речи, коммуникативным намерениям говорящих, а также ролевой структуре речевого акта. Диминутивные обозначения являются лексикой, которая является прагматически маркированной. Так, многие исследователи обращают внимание на способность диминутивных производных выражать эмоциональное отношение не только к обозначаемому (референту), но и к адресату речи, или к ситуации в целом. Часто употребление диминутивных форм обусловлено не собственным значением слова, а условием его употребления – в частности, фактором адресата. Согласно Л. И. Горбуновой прагматический слой значения знака составляет информация, непосредственно не связанная с предметом разговора, не отражающая номинируемый объект. Это информация о коммуникативной ситуации и целях общения, т. е. о том, что связано с целенаправленным использованием языкового знака. Л.И. Горбунова считает, что в прагматический слой значения знака входит информация о ситуации общения, основными характеристиками которой являются цель общения, вид осуществляемой деятельности, коммуникативные роли и другие характеристики участников общения. Говорящий производит высказывание, рассчитанное на восприятие его адресатом, поэтому высказывание выступает одновременно и как продукт речевого акта, и как инструмент достижения определенной цели (Горбунова, 2013: 82).

Достижение целей общения возможно только в том случае, если учитывается фактор адресата: его социальный статус, образовательный, культурно-речевой уровень, особенности его личности. Ориентация на слушателя заставляет говорящего выбирать определенные языковые средства.

Эмоционально-оценочная функция формируется в каждом языке своим набором средств, к которым относятся диминутивы, диминутивные суффиксы, лексико-семантические конструкции со значением диминутивности. Выбранное слово обозначает позицию участников коммуникации, дает информацию как об адресате речи, так и о самом говорящем.

В фильме Алексея Германа «Мой друг Иван Лапшин» есть сцена, где матерый бандит и убийца, попав в облаву, кричит: «За что, дяденька?! Дяденька, не стреляй!» Используя обращение «дяденька», он принижает свой статус, пытается притвориться беспомощным, как ребенок, тем самым вызвать сочувствие.

Прагматический компонент означаемого может содержать информацию об отношении говорящего к обозначаемому. Оценочная квалификация может не ограничиваться только знаками «плюс» или «минус», т. е. соотношением со шкалой «хорошо – плохо». Она воплощается в многообразных оттенках отношения: восторг, удовлетворение, сожаление, недоумение, ирония, возмущение и т. п.

Прагматический слой значения знака может быть заполнен информацией об отношении говорящего к адресату. Слова с суффиксами субъективной оценки (чаще называемые уменьшительно-ласкательными) также имеют в значении обсуждаемый прагматический компонент (Горбунова, 2013: 90).

Академик А. А. Шахматов акцентирует внимание на том, что основное различие слов с подобными суффиксами не семантическое, а прагматическое: «...Суффиксальные образования, относящиеся сюда, не видоизменяют реального значения основного слова: домик, домина, домище, домишко обозначают то же представление, что дом; следовательно, эти суффиксы имеют другое значение, чем другие словообразовательные суффиксы, при помощи которых выражаются представления, совершенно отличные от представления, выраженного соответствующим основным словом, представления, самостоятельные от него» (Шахматов, 1941: 34).

Таким образом, имеет смысл выделить следующие компоненты речевого общения, которые относят к ведению прагматики: отношение говорящий – адресат, цель, регистр, сфера общения.

К фактору адресата диминутивов относится универсальная черта «детская речь». Под «детской речью» понимается речь самих детей; речь, обращенная к детям и, кроме того, разговоры взрослых о детях (Долозова, 2007: 35).

Ориентация на определенный тип адресата прослеживается и в некоторых других сферах, например такой, как общение врача с больным: «*На правый бочок перевернитесь*», «*Сейчас температуру будем мерять*» (Земская, 1993: 125).

В кулинарной передаче слышим не *поджарим морковь на масле и опустим в бульон*, а *поджарим морковочку на маслице и опустим в бульончик*. Особенно распространено данное явление в сфере обслуживания: *серенькая машинка, хорошенький кремчик, свеженькая сметанка* и т. п. (Горбунова, 2013: 93). Использование диминутивных форм отражает стремление говорящего создать дружелюбную атмосферу.

Существенным в использовании диминутивных форм является и фактор говорящего: в частности, его языковая компетенция. Чрезмерное использование диминутивов может быть воспринято как проявление нежелательной фамильярности или как признак того, что говорящий не владеет нормами литературного языка, является носителем просторечия. Таким образом, использование диминутивов является важной составляющей речевого портрета.

Наиболее регулярно категория диминутивности проявляется в системе имени существительного, поэтому исследование проводится в основном на материале существительных. Однако, следует отметить, что диминутивность имеет свойство проявляться в именах собственных (нем. – *Fritzchen*; русск. – *Катенька*). Это представляется вполне логичным, поскольку имена собственные чаще всего употребляются в обращениях, где они выполняют прагматическую функцию интимизации речи, принося оттенки ласкательности, доброжелательности, родственных отношений и т.д. Такие

части речи, как глагол, прилагательное, наречие, междометие также подвержены диминутивизации в языках с развитой системой суффиксации (русск. *спатенькать, миленький, потихоньку, аюшки* и т.д.).

Согласно работе Братус (Bratus V.V. 1969), уменьшительные суффиксы, будучи присоединенными к прилагательным, придают им разнообразные экспрессивно-эмоциональные оценки, от значения низкой степени качества, которое выражено в слове *хитроватый* (от *хитрый*), и до выражения чувств любви, нежности, симпатии и удовольствия: *родной – родненький, милый – миленький, чудный – чудненький*, а также презрения, ненависти, пренебрежения и надменного отношения: *плохой – плохонький, дешевый – дешевенький, поганый – поганенький*.

Системность выражения категории диминутивности объясняется тем, что она непосредственно связана с восприятием человеческим мышлением объема, формы, размера – когнитивный аспект, а также с отражением человеческим мышлением причинных связей между предметами, на базе которого возникает и субъективное отношение к познаваемому – эмотивный аспект (Телия, 1986). М.В. Никитин, в частности, отмечает следующее: "Процессы оформления когнитивного значения слов и эмотивно-оценочной структуры происходят параллельно. Осуществление этого оформления основано на корреляции между когнитивным и эмоционально-оценочным компонентом содержания посредством переключения мыслительных единиц когнитивных структур сознания на их корреляты в прагматических эмоционально-оценочных структурах сознания" (Никитин, 1996: 368).

Употребление диминутивов может быть свойственно определенным типам речевых актов – предложение, просьба, мольба, когда говорящий занимает подчиненное положение по отношению к слушающему и при этом стремится побудить его к совершению какого-то действия. Диминутив в этом случае может служить для смягчения, преуменьшения значимости просьбы, для усиления эмоционального воздействия, и даже для самоуничижения

говорящего. Здесь акцент смещен на цель высказывания (иллокутивную функцию) (Долозова, 2007: 34-36).

Любое речевое действие происходит в определенной коммуникативной ситуации. Именно она побуждает говорящего к тому или иному речевому акту. Коммуникативную ситуацию можно определить как довольно сложный комплекс «внешних условий общения и внутренних состояний общающихся, представленных в речевом поведении – высказывании, дискурсе» (Формановская, 2000: 42).

В каждом конкретном случае, учитывая характер коммуникативной ситуации, адресант использует те языковые средства, которые помогут ему реализовать свою установку, замысел и тактику в речевом взаимодействии. В прагматике диминутивность является довольно востребованной, так как способствует успешной реализации речевого акта.

Категория диминутивности чрезвычайно важна в художественном дискурсе, в центре внимания которого лежит специфика человеческих взаимоотношений, отражающаяся не в последнюю очередь в выборе тех или иных лексических средств языка (Графева, 1991: 75). Выбор этих средств аргументируется иллокутивной направленностью речевого акта. При использовании диминутива часто выражается желание создать доброжелательную атмосферу, избежать конфликта, достигнуть взаимопонимания. При помощи диминутивного суффикса говорящий выделяет тот или иной объект или явления из разряда обычных, проявляя по отношению к нему особый интерес. В этом случае целесообразным становится использование диминутивных словообразований, подчеркивающих отношение адресанта к адресату, дающих положительную оценку адресату и той ситуации, с которой адресат неразрывно связан в силу своих интересов того или иного рода.

Диминутивы используются и в другом случае, при реализации тактики отстранения, основанного на недостаточности каких-либо важных, с точки зрения адресанта, качеств у адресата. Это определяет коммуникативную

стратегию пренебрежения адресатом или фрагментом коммуникативной ситуации.

В некоторых случаях употребление диминутива на первый взгляд кажется несколько избыточным, но эта избыточность является намеренным стилистическим приемом, призванным усилить экспрессивность текста (Кузьменкова, 2007). Диминутивы особенно важны для выражения экспрессии и эмоций, ведь ласковое или пренебрежительное отношение к референту определяют предлагаемую собеседником систему ценностей, с которой можно и не согласиться.

Оценочность далеко не всегда наглядно представлена в структуре лексико-семантического значения слов с диминутивными суффиксами, так, например, в таких словах как *ведерочко*, *ситечко*, *веревочка* и т.п. на первый план выступают обозначение незначительности по размеру и эмоциональная составляющая, отражающая, что отношение говорящего к тому или иному референту имеет свои особенности (Вольф, 1985: 102-103).

Что касается естественнонаучной и профессиональной речи, роль диминутивов здесь иная в большинстве случаев: данная грамматическая форма используется в качестве терминов: *шляпка* (гвоздя), *кулачок* (деталь механизма), *спинка* (стула) и т.п. (Кузьменкова, 2007). Будучи характерной особенностью научной и профессиональной речи, диминутивы используются в данных специфических значениях и в обыденной разговорной речи, и в художественной литературе.

Таким образом, категория диминутивности может реализоваться не только на семантическом уровне, но и отражать прагматический аспект. Прагматический аспект диминутивности заключается в выражении субъективного эмоционально-оценочного отношения говорящего к предмету речи, а его реализация определяется коммуникативной ситуацией, коммуникативными задачами, потребностями и установками говорящего, ролевой структурой речевого акта и коммуникативной компетенцией.

На наш взгляд, сферу использования концепта диминутивности следует рассматривать максимально широко, не ограничиваясь одними лишь уменьшительно-ласкательными суффиксами. Расширение сферы понимания диминутивности поможет в значительной степени улучшить качество художественного перевода, в котором данный концепт имеет принципиальное значение с точки зрения интерпретации слова автора и отдельных персонажей, так как его использование способно коренным образом менять коммуникативную интенцию.

1.3. Способы выражения категории диминутивности в русском и немецком языках

Ведущим средством словообразования русского языка является аффиксация, а именно способ суффиксального словообразования. Система суффиксов русского языка достаточно широко дифференцирована. Русский язык идеально приспособлен для выражения разнообразных эмоциональных отношений, причем не только нежных, ласкательных, но и пренебрежительных, уничижительных, ироничных. Наиболее многочисленной является группа суффиксов субъективной оценки. Все экспрессивные средства уровней обладают относительно четко выраженной положительной или отрицательной коннотацией. В системе именного словопроизводства наличие большого количества суффиксов субъективной оценки является характерной чертой русского языка по сравнению с немецким. Данные различия в языковых системах представляют серьезные проблемы для переводчика, т.к. многие коннотации, присутствующие в русском языке, порой очень сложно передать языком перевода. Так, например, слова, выражающие коннотацию небольшого размера, обычно легко поддаются переводу на немецкий язык. Что же касается других случаев передачи субъективной оценки, то они зачастую приводят в замешательство даже опытных переводчиков (если слова *чашечка* и *книжечка* и подразумевают сему уменьшения, то такие понятия, как *минуточка*, *денек* в

немецком языке лексических аналогов не имеют. Или как передать разницу между словами *домик* и *домишко*, *потихоньку* и *потихонечку*?).

Преобладающим способом выражения категории диминутивности в русском языке является прием суффиксации с помощью соответствующих уменьшительно-ласкательных суффиксов. В русском языке диминутивы представлены как суффиксами уменьшительно-ласкательными: *-ик*, *-ок*, *-ичек*, *-очек*, *-еньк* (*-оньк*), *-ышек* и т.д., выражающими самые различные оттенки значения (*ключик*, *дождичек*, *дубок*, *комочек*, *душенька*, *кисонька*, *воробышек*), так и пренебрежительно-уменьшительными: *-ишк*, *-енк* (*-онк*) и т.д. (*умишко*, *шубенка*, *душонка*) (Вежбицкая, 1996: 119).

Вместе с этим суффиксы субъективной оценки имеются и в категории имени прилагательного. Такие суффиксы, как: *-еньк*, *-оньк* (*маленький*, *легонький*) связаны с понятием некоторой неполной меры качества; суффиксы *-ехоньк*, *-ешеньк* (*малехонький*, *умнешенький*) отражают понятие полной меры качеств; разговорно-бытовой суффикс *-усеньк* (*-юсеньк*) связан со значением минимального, малого количества (*тонюсенький*). Уменьшительные и ласкательные суффиксы имен могут влиять на форму согласующихся с ними прилагательных, которые принимают соответствующие уменьшительные или ласкательные формы: *маленький кусочек*, *добренькая старушка*, *уютненькое местечко*, *беленький платочек*, *чистенькая рубашечка* (Красильникова, 1990). Таким образом, эти суффиксы становятся сами синтаксическими факторами, что указывает на их синтаксическую природу. В данном случае такое проявление диминутивности с использованием уменьшительно-ласкательных суффиксом как у существительного, так и у прилагательного, является излишним. Однако русский язык по своей ментальности склонен к избыточности, преувеличению, в отличие от немецкого языка.

В русском языке, синтетическом по своему характеру, есть лексемы с диминутивным суффиксом, дающие положительную (*сестренка*, *сестричка*, *братик* и т.п.) или отрицательную (*старикашка*, *замарашка*, *купчишка*, *умишко* и т.п.) оценку референту, но, вместе с тем, имеются суффиксы, положительную

или отрицательную оценочность которых можно определить лишь при опоре на микроконтекст каждого отдельного высказывания, в котором используется данная лексема с диминутивным суффиксом (*собачонка, комнатушка*) (Шахматов, 1952).

В немецком языке по сравнению с русским имеется лишь два продуктивных уменьшительно-ласкательных суффикса, характеризующиеся, с одной стороны, сильной многозначностью, а с другой стороны – омонимичностью: *-chen* и *-lein*. В единичных случаях встречается суффикс *-el* (*Haarbüschel, Ränzel*), иногда сочетание суффиксов *-el-chen* (*Dingelchen, Wägelchen*). В литературном языке в настоящее время *-chen* характеризуется наибольшей степенью употребления (Мыркин, 1973). Данные суффиксы имеют следующие словообразовательные значения: а) уменьшительность, малость (*Tischlein, Bättchen*); б) эмоциональность, ласкательность (положительная коннотация) (*Küßchen, Mütterlein*); в) эмоциональность, пренебрежительность, отсутствие расположения (отрицательная коннотация) (*Bürschen, Kavalierlein*). Направление коннотации (мелиоративной или пейоративной) в большинстве случаев зависит от контекста, словообразования, содержащие диминутивные суффиксы, чаще всего амбивалентны.

Конструкции с *-chen* могут иметь значения терминов. В этом случае эмоциональная коннотация отсутствует, в свою очередь может возникать семантическая дифференциация со структурами с *-lein* (Макарчев, 1973); например, *Männchen* и *Weibchen, Männlein* и *Weiblein*; а также *Blutkörperchen, Elementarteilchen* и др.

Часть таких словообразований являются устойчивыми, идиоматизированными, а иногда и полностью изолированными, так как производящая основа в чистом виде больше не встречается: *Stiefmütterchen, Schneeglöckchen, Scherflein*.

Производящей основой в диминутивных единицах немецкого языка, как правило, является существительное. В редких случаях суффикс присоединяется к имени прилагательному, причем в данном случае имеет место явление

транспозиции: *dumm – Dummchen, früh – Früchen*. Весьма редки в качестве производящих глагольные основы: *schlafen – Schläfchen, nicken – Nickerchen*.

Для придания характера диминутивности глаголу можно использовать следующие словообразовательные элементы:

а) префикс *an-* передает неполноту действия по сравнению с исходными глаголами (*blättern-anblättern*);

б) суффикс *-el-* реализует признак ослабленного действия, по сравнению с производящей формой глагола (*husten-hüsteln*).

В сфере прилагательного семантика диминутивности, а именно качественной малости, может реализовываться с помощью суффикса *-lich*, но значение данного суффикса может быть определено только при сопоставлении форм прилагательного. (*bitter-bitterlich*) Ту же функцию выполняет префикс *an-* (Степанова, 1984).

Также для выражения диминутивности в немецком языке используется словосложение. Носителями семы малости в данном случае являются прилагательные с диминутивной семантикой: *klein, dünn, kurz* и т.д. (*Kleinfeld, Dünnbier, Kurzbahn*) Категория диминутивности часто реализуется в словосочетаниях. Чаще всего синонимической доминантой для таких сочетаний является прилагательное *klein*, которое выражает сему малости как широкое понятие. Прилагательные *kurz, niedrig, dünn*, в свою очередь, представляют отдельные признаки уменьшительности. В словосочетаниях также могут применяться лексемы *wenig, etwas, kaum, eine Weile, einbisschen* для выражения диминутивного значения (*ein bisschen Zeit*) (Степанова, 1984).

Диминутивная семантика может быть реализована на морфологическом и лексико-синтаксическом уровне одновременно. Наиболее распространенный способ подобной реализации сочетание *klein* + существительное с уменьшительным суффиксом (*klein Tischchen*) (Степанова, 1984).

Диминутивные средства немецкого языка относятся к различным языковым уровням, что подтверждает предположение о метакатегориальном статусе диминутивности.

Термин «диминутив» в энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона определяется как «слово, которое образовано от другого с помощью аффикса, обозначающего уменьшение». (Степанова, 1984: 92) Таким образом, можно утверждать, что любая номинация от лексемы до словосочетания, содержащая сему малости, является диминутивом. Сема малости может быть тесно связана с семой эмоциональной окраски, что подчеркивает заложенное в значении диминутивов выражение личного участия говорящего, являющееся проявлением коннотативного компонента семантической структуры слова.

Коннотация является частью прагматики, которая изучает условия использования говорящими языковых знаков, то есть аспекты коммуникативной ситуации, в которой используется языковое выражение. Поэтому диминутивность следует рассматривать с точки зрения прагматического потенциала.

Выводы по главе I

Категория диминутивности может рассматриваться в узком и широком понимании. Диминутивом называется:

- 1) конкретный морфологический показатель – например, суффикс существительного, выражающий значение «уменьшительности»;
- 2) производная словоформа, образованная при помощи показателя такого типа;
- 3) словообразовательное значение, передаваемое соответствующим показателем;
- 4) сложная семантическая категория, объединяющая частные значения, выражаемые с помощью различных языковых средств.

Понятийная категория диминутивности так или иначе представлена во всех языках и выражается в различных языковых формах. В русском и немецком языках преобладающим способом выражения диминутивности является суффиксация, но в немецком языке также можно встретить и лексико-синтаксические конструкции. Категория диминутивности оказывается представленной в различных языках на морфологическом, лексико-семантическом и фразеологическом уровне. Таким образом, диминутивность не ограничивается морфологическими особенностями лексико-семантической единицы (наличием или отсутствием уменьшительно-ласкательных суффиксов).

Категория диминутивности связана с определенными функциональными стилями речи: в основном с детской речью (или применяемой к детям), разговорным стилем, а также с некоторыми жанрами и сферами специальной и профессиональной коммуникации.

Важной составляющей анализа диминутивов является контекст, в котором они были употреблены. Диминутивы обладают семантической

полифункциональностью: одна и та же форма в зависимости от контекста может иметь мелиоративное или пейоративное оценочное значение.

Категория диминутивности считается семантико-прагматической категорией. Помимо выражения категории размерности она включает в себя прагматический аспект – эмоционально-оценочное отношение к предмету и адресату, соответствующее определенной ситуации речи и коммуникативным намерениям говорящих. Коммуникативную ситуацию можно определить, как довольно сложный комплекс внешних условий общения и внутренних состояний коммуникантов.

Категория диминутивности чрезвычайно важна в художественном дискурсе, в центре внимания которого лежит специфика человеческих взаимоотношений, отражающаяся в выборе тех или иных лексических средств языка.

В системе именного словопроизводства наличие большого количества суффиксов субъективной оценки является характерной чертой русского языка по сравнению с немецким. Данные различия в языковых системах представляют серьезные проблемы для переводчика, т.к. многие коннотации, присутствующие в русском языке, порой очень сложно передать языком перевода. Так, например, слова, выражающие коннотацию небольшого размера, обычно легко поддаются переводу на немецкий язык. Что же касается других случаев передачи субъективной оценки, то они зачастую приводят в замешательство даже опытных переводчиков.

Русский язык по сравнению с немецким содержит большое количество диминутивных суффиксов, а прием суффиксации в русском языке является преобладающим способом выражения категории диминутивности. Диминутивные суффиксы способны присоединять к себе такие части речи русского языка, как существительное, прилагательное, наречие, глагол, междометие.

В немецком языке по сравнению с русским имеется лишь два продуктивных уменьшительно-ласкательных суффикса, характеризующиеся

многозначностью и в то же время омонимичностью. В основном производным диминутива является существительное, в редких случаях в качестве производящей основы используется прилагательное или глагол.

Также для выражения диминутивности в немецком языке используется словосложение. Носителями семы малости в данном случае являются прилагательные с диминутивной семантикой. Категория диминутивности часто реализуется в словосочетаниях. Таким образом, диминутивные средства немецкого языка относятся к различным языковым уровням, что подтверждает предположение о метакатегориальном статусе диминутивности.

ГЛАВА II. ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ДИМИНУТИВОВ В ТЕКСТЕ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА

2.1. Реализация прагматического аспекта категории диминутивности

Мы рассматриваем категорию диминутивности в широком ее понимании. Диминутив может указывать как на уменьшение, так и на интенсивность проявления признака, интенсивность действия, преуменьшение значимости какого-либо события или факта.

В своей работе для нас представляет интерес исследование категории диминутивности на примере произведений русской художественной литературы XIX – XX веков А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского, И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, М.А. Булгакова. Мы используем метод сопоставительного анализа оригинального произведения и немецкого варианта перевода для выявления основных особенностей и признаков, характерных для диминутивов, сферы их реализации, а также способов передачи различных оттенков в языке перевода и степень их реализации.

Для выполнения этой задачи мы попытались выделить основные группы диминутивов, которые встречаются в художественных произведениях, учитывая при этом их значения и различные оттенки:

1. Диминутивы с семой малости:
 - а) диминутивы, передающие категорию размерности;
 - б) диминутивы, употребляющиеся по отношению к детям.
2. Диминутивы, служащие для передачи следующих характеристик:
 - а) отличительная черта внешности;
 - б) качества голоса (манера разговора, звуковые характеристики, тембр и т.д.);

- в) особенности поведения героя;
 - г) описание местности и объектов.
3. Диминутивы, передающие субъективную оценку:
- а) с пейоративным значением;
 - б) с мелиоративным значением:
 - отношение персонажа к еде и различным бытовым удобствам;
 - отношение к женщинам;
 - стремление расположить к себе собеседника;
 - выражение симпатии, жалости, сочувствия.
4. Диминутивы-обращения с указанием статусно-ролевых отношений между героями:
- а) обращения с помощью нарицательных существительных;
 - б) обращения с помощью имен собственных.
5. Диминутивы, передающие национально-культурный аспект (в том числе и устойчивые выражения).
6. Диминутивы, относящиеся к бытовым, профессиональным и естественнонаучным наименованиям.

2.1.1. Диминутивы с семой малости

1. В *первую* группу мы отнесли диминутивы, содержащие в себе сему малости. Диминутивы в примерах, приведенных ниже, передают малый размер объекта:

(1) – У меня всего много, – сказал он упрямо, – за всяким клопом не усмотришь, в щелку к нему не влезешь.

(1) – *Bei mir gibt's immer viel davon, – sagte er eigensinnig, – man kann nicht auf jede Wanze aufpassen, man kann ihr in ihre Ritze nicht nachkriechen.*
(И.А. Гончаров «Обломов»)

В данном примере содержится сема малости, передающая понятие жилища насекомого – *щелки*. При переводе диминутивность утрачивается (*Ritze* – *щель, расщелина*)

(2) – Прощай, старая Обломовка! – сказал он, оглянувшись в последний раз на окна **маленького домика**.

(2) – *Leb wohl, altes Oblomowka! – sagte er, zum letzten Male auf die Fenster des **kleinen Hauses** zurückblickend.* (И.А. Гончаров «Обломов»)

Помимо категории размера словосочетание «*маленький домик*» передает смысл концентрации всей жизни Обломова, которую он провел в этом доме, а также отсутствие значимости прожитых лет. При переводе используется прием перераспределения значения.

(3) – У ней с того дня как-то странно на сердце... должно быть, ей очень обидно... даже в жар кидает, на щеках рдеют два розовые **пятнышка**...

(3) – *Seit dem Tage ist es ihr so seltsam ums Herz... sie ist wohl sehr gekränkt... es wird ihr sogar ganz heiß, und auf ihren Wangen glühen zwei rosige **Flecken**...* (И.А. Гончаров «Обломов»)

В данном примере передается только категория размерности. Немецкое слово *Flecken* имеет значения *пятно, крапина, отметина*. Диминутивность не передана.

(4) А в **маленькой** задней **комнатке**, на большом сундуке, сидела, в голубой душегрейке и с наброшенным белым платком на темных волосах, молодая женщина, Фенечка, и то прислушивалась, то дремала, то посматривала на растворенную дверь, из-за которой виднелась детская **кроватька** и слышалось ровное дыхание спящего ребенка.

(4) *Im Hintergrund eines **kleinen Zimmerchens** auf der Rückseite des Hauses saß, in eine blaue Duschagreika gekleidet, mit einem weißen Tuch über dem schwarzen Haar, eine junge Frau namens Fenitschka, die, obwohl fast vor Schlaf umsinkend, Ohr und Augen auf eine halbgeöffnete Türe gerichtet hielt, durch die man ein **kleines Bett** gewahrte mit einem schlafenden Kinde darin; man hörte sein gleichmäßiges ruhiges Atmen.* (И.С. Тургенев «Отцы и дети»)

В примере (4) диминутивы *маленькая комнатка* и *кроватька* содержат сему малости. *Маленькая комнатка* противопоставлена *большому сундуку*, на котором сидела Фенечка, из-за чего *комнатка* кажется еще меньше. *Кроватька* является предметом, относящимся к ребенку, поэтому тоже передает маленький размер. При переводе в первом случае используется прямая подстановка (*kleines Zimmerchen*), во втором – перераспределение значения (*kleines Bett*).

(5) Вот уже **мостик** загремел под копытами и колесами, вот уже надвинулась аллея стриженных елок.

(5) *Schon dröhnte die **kleine hölzerne Brücke** unter den Hufen der Pferde und unter den Rädern; da ist die lange Allee von Tannen, die wie Mauern geschnitten sind.* (И.С. Тургенев «Отцы и дети»)

Диминутив *мостик* помимо семы размера содержит в себе и сему материала, из которого он сделан, что отражено в немецком варианте с использованием приема перераспределения значения – *kleine hölzerne Brücke* – *маленький деревянный мост*.

(5) Но вот на скате пологого холма открылась наконец **небольшая дереvушка**, где жили родители Базарова.

(6) *Das **kleine Dorf**, wo Bazaroffs Eltern wohnten, zeigte sich endlich an dem Abhang eines niedern Hügels.* (И.С. Тургенев «Отцы и дети»)

В немецком варианте используется синонимичный перевод диминутивного словосочетания *небольшая дереvушка* – *das kleine Dorf*.

(7) Поехал я в Кляузовку и давай вокруг нее описывать спираль. Посетил я на пути все **лавочки**, **кабачки**, **погребки**, спрашивая всюду шведские спички.

(7) *Ich fuhr nach Kljausowka und begann um das Gut eine Spirale zu beschreiben! Unterwegs besuchte ich alle **Kramläden** und **Dorfschänken** und fragte überall noch schwedischen Zündhölzchen.* (А.П. Чехов «Шведская спичка»)

Диминутивы *лавочки*, *кабачки*, *погребки* помимо семы малости говорят читателю о том, что персонаж объехал всю округу в поисках нужной ему вещи, не упустив ни одной маленькой лавочки. Перевод выполнен с использованием

сложных существительных приемом узуальной подстановки с утратой значения диминутивности: *Kramäden* – мелочные лавки, *Dorfschänken* – деревенские лавки.

(8) «Как-то и уважения к себе больше чувствуешь! – думал учитель, побрякивая. – **Маленькая штучка**, рублей пять, не больше стоит, а какой фурор производит!»

(8) «*Ist mir doch zu Mute, als wäre ich ein ganz anderer Mensch! – dachte er und räusperte sich mit einem gewissen Selbstbewußtsein. – Ein **kleines Ding**, kostet vielleicht nicht mehr als fünf Rubel, – und welcher Effekt!*» (А.П. Чехов «Орден»)

Диминутив в примере (8) передает сему незначительности размера. При переводе используется прием прямой подстановки: *маленькая штучка* – *kleines Ding*.

(9) – Это что такое? – слышит Ваня сердитый голос.

– Это... это **котеночек**, папа...

– Вот я тебе покажу **котеночка**! Погляди, что ты наделал, негодный мальчишка! Ты у меня всю бумагу испачкал!

(9) – *Was ist denn das? – hört Wanja seine erzürnte Stimme.*

– *Das... das ist ein **Kätzchen**, Papa...*

– *Ich werde Dir ein **Kätzchen** zeigen! Siehst Du, was Du unartiger Junge gemacht hast! Du hast ja all mein Papier verdorben!* (А.П. Чехов «Событие»)

Диминутив *котеночек* передает характерную черту детской речи. При переводе диминутивный суффикс сохраняется.

(10) Кроме кровати, **столика** и единственного стула, другой мебели в спальне не было... На столе рядом с **маленьким толстеньким** самоваром стоял супник с остывшими щами и блюдо с остатками какого-то соуса.

(10) *Außer dem Bett, dem **Tischchen** und einem einzigen Stuhl waren im Zimmer weiter keine Möbel... Auf dem Tisch, neben einem **kleinen, dickbäuchigen** Samowar stand eine Suppenterrine mit kalt gewordener Kohlsuppe und eine Schüssel mit den Resten einer Sauce.* (А.П. Чехов «Шведская спичка»)

В данном примере приводится описание обстановки дома и предметов малого размера. Малый размер подчеркивает весьма скромную обстановку в доме. Диминутив *стол* при переводе сохраняет суффикс, а вот прилагательное *толстенький* теряет значение диминутивности.

(11) На другой день Лапкин привез Коле из города краски и **мячик**, а сестра подарила ему все свои **коробочки из-под пилюль**. Потом пришлось подарить и запонки с собачьими **мордочками**.

(11) *Am nächsten Tage brachte Lapkin Kolja aus der Stadt einen Malkasten und einen **Ball** mit, die Schwester aber schenkte ihm alle ihre **hübschen** **Medizinschachteln**. Hernach mußte sie ihm auch die Manschettenknöpfe mit den **Hundeköpfen** schenken.* (А.П. Чехов «Злой мальчик»)

Пример (11) содержит диминутивы, описывающие предметы малого размера. При переводе диминутивные суффиксы не переданы, однако *коробочки из-под пилюль* переведены приемом описательного перевода с использованием прилагательного *hübsch*, передающего значение миловидности, прелестности.

(12) Берег и **тропинка** были еле видны, а другой берег весь тонул в потемках.

(12) *Das Ufer und der **Fußweg** waren kaum sichtbar, während das jenseitige Ufer ganz im Dunkeln verschwand.* (А.П. Чехов «Поцелуй»)

Диминутив *тропинка* передает такие качества, как узкость, извилистость и неровность. Существительное узуально переведено сложным существительным *Fußweg* – *пешеходная дорожка, тротуар, тропа*. Коннотация (образ) тропинки теряется.

(13) **Маленький** трехоконный **домик** княжны имеет праздничный вид. Он помолодел точно.

(13) *Das **kleine**, drei Fenster breite **Hotel** der Fürstin hat heute ein feierliches Aussehen, als wenn es sich verjüngt hätte.* (А.П. Чехов «Раз в год»)

Перевод диминутива *маленький домик* как *das keine Hotel* входит в конфликт со смыслом словосочетания. *Hotel* в переводе с немецкого означает

гостиница, отель, что противоречит смыслу диминутива *домик*, передающего сему малости.

(14) – Приятно, ежели жена по-французски и по-немецки, на разные голоса там, очень приятно; но что из этого толку, ежели она не умеет тебе **пУГОВКИ**, положим, пришить?

(14) – *Es ist sehr nett, wenn sie Französisch und Deutsch und alles mögliche kann, natürlich sehr angenehm; aber was hat man davon, wenn sie dabei nicht versteht, einem einen **Knopf** anzunähen?* (А.П. Чехов «Хороший конец»)

В данном примере диминутив *пуговка* имеет сему элементарного дела, которое жена может сделать для мужа. При переводе диминутивность утрачена.

(15) Князь Жан сделал большую уступку. Ему нужно заплатить только пятьдесят рублей. Но, чтобы заплатить эти пятьдесят рублей, нужно перерыть не один **сундучок**!

(15) *Fürst Jean hat sich unglaublich nachgiebig gezeigt. Man braucht ihm nur fünfzig Rubel zu zahlen. Aber um diese fünfzig Rubel zusammenzubringen, muß der alte Mark mehr als ein **Fach** durchstöbern!* (А.П. Чехов «Раз в год»)

Диминутив *сундучок* помимо семы малости содержит в себе смысл небольшого количества денег, которое можно не хранить в *сундуках*, вместится и в *сундучок*. В переводе использован прием альтернативной подстановки: *Fach* – *полка, выдвижной ящик, шкаф, ячейка, отделение*. Вместе с утратой диминутивности потеряно и контекстуальное значение – незавидное финансовое положение.

(16) Не больше как через полчаса она уже сидела на полу в большой, светлой комнате и, склонив голову набок, с умилением и с любопытством глядела на незнакомца, который сидел за столом и обедал. Он ел и бросал ей **кусочки**... Сначала он дал ей хлеба и зеленую **корочку сыра**, потом **кусочек** мяса, **полпирожка**, куриных костей, а она с голодухи все это съела так быстро, что не успела разобрать вкуса.

(16) *Eine halbe Stunde später saß er schon auf der Diele in einem großen hellen Zimmer und blickte, den Kopf auf die Seite geneigt, mit Wehmut und*

Neugierde zu dem Fremden hinauf, der am Tische saß und speiste. Der Fremde aß und warf ihm ab und zu ein Stückchen hin . . . Zuerst gab er ihm Brot und eine Käserinde, dann ein Stückchen Fleisch, dann ein halbes Pastetchen, Hühnerknochen, und Kaschtanka hatte das alles in seinem Heißhunger so schnell aufgegessen, daß er nicht mal den Geschmack davon unterscheiden konnte. (А.П. Чехов «Каштанка»)

В данном примере диминутивы используются, чтобы показать маленький размер *кусочков* еды, которые персонаж бросает собаке. При переводе категория диминутивности сохранена.

(17) Затем он потушил лампу и вышел. Каштанка разлеглась на матрасике и закрыла глаза.

(17) *Darauf löschte er die Lampe aus und ging hinaus. Kaschtanka streckte sich auf dem Kissen aus und schloß die Augen. (А.П. Чехов «Каштанка»)*

Диминутивы *матрасик* передает малый размер собачьей подстилки, так как собака сама по себе небольшая. В переводе используется существительное *Kissen* – *подушка* с утратой значения диминутивности, т.к. подушка по сравнению с матрасом уже меньшего размера.

Сема малости содержится также в диминутивах, употребленных по отношению к детям, к их детскому видению мира и объектам, которые их окружают:

(18) – Я был тогда штабс-капитаном. Вы – такая крошка, хорошенькая. Нина Александровна... Ганя... Я был у вас... принят.

(18) – *Ich war damals Hauptmann. Sie waren noch so ein kleines, allerliebstes Ding. Nina Alexandrowna... Ganja... Ich verkehrte in Ihrem Haus».* (Ф.М. Достоевский «Идиот»)

В примере (18) персонаж вспоминает давние времена, когда Нина Александровна была еще ребенком, поэтому в разговоре по отношению к ней употребляются диминутивы *крошка*, *хорошенькая*. Перевод выполнен с перераспределением значений: *kleines, allerliebstes Ding* – *маленькая, всеми*

любимая/прелестная/премилая крошка/малютка. Смысл уменьшительности, умиления сохраняется.

(19) Ваня, мальчик лет шести, стриженный, с носом, похожим на пуговицу, и его сестра Нина, четырехлетняя девочка, кудрявая, **пухленькая**, малорослая не по летам, просыпаются и через решетки кроваток глядят сердито друг на друга.

(19) *Wanja, ein etwa sechsjähriger Junge, kurz geschoren, mit einer Nase wie ein Knopf und seine Schwester Nina, ein vierjähriges **pausbäckiges**, für sein Alter etwas kleines Mädchen, erwachen und schauen sich durch die Gitter ihrer Bettchen böse an.* (А.П. Чехов «Событие»)

С помощью диминутивного прилагательного *пухленькая* автор передает мягкость и округлость, присущую маленьким детям. При переводе используется прием узуальной подстановки с помощью немецкого прилагательного *pausbäckig* – *толстощекий*. В немецком языке данное прилагательное относится только к детям.

(20) Гриша, **маленький**, пухлый мальчик, родившийся два года и восемь месяцев тому назад, гуляет с нянькой по бульвару. На нем длинный ватный **бурнусик**, шарф, большая шапка с мохнатой **пуговкой** и теплые калоши.

(20) *Grischa, ein **kleiner** dicker, zwei Jahre und acht Monate alter Junge, spaziert mit seiner Wärterin auf der Promenade. Er hat einen langen wattierten **Mantel** und warme Galoschen an, um seinen Hals ist ein großes Cachenez gebunden und auf dem Kopf sitzt eine große Mütze mit einer zottigen **Troddel**.* (А.П. Чехов «Гриша»)

Диминутивы *маленький*, *бурнусик*, *пуговка* применительно к маленькому мальчику указывают на то, что в мире ребенка все предметы, окружающие его, маленького размера, тем самым вызывая нежные чувства по отношению к ребенку. В переводе на немецкий язык диминутивность утрачивается.

(21) Как бы то ни было, а беспечный П. воспитал **сиротку барчонка** по-княжески, нанимал ему гувернеров и гувернанток, которых, кстати, сам привозил из Парижа.

(21) *Wie dem auch gewesen sein mag, jedenfalls ließ der sorglose P. dem verwaisten jungen Herrn eine fürstliche Erziehung zuteil werden und hielt ihm Erzieher und Gouvernanten, die er bei Gelegenheit selbst aus Paris mitbrachte.* (Ф.М. Достоевский «Идиот»)

Диминутивное словосочетание *sиротка барчонок* передает сему малости, а также чувство эмпатии к персонажу. При переводе диминутивность утрачена, в связи с этим становится сложно определить возраст *барчонок*: использовано словосочетание *verwaister junger Herr* – *осиротевший юный/молодой господин/барин*.

(22) ...праздная дворня сидит у ворот; там слышатся веселые голоса, хохот, балалайка, девки играют в горелки; кругом его самого резвятся его малютки, лезут к нему на колени, вешаются ему на шею;

(22) ...*die müßige Dienerschaft sitzt am Haustor; von dort tönen lustige Stimmen, Lachen und Balalaikaspiel herüber; die Mädchen spielen Haschen; um ihn herum tollten seine Kleinen, kriechen ihm auf die Knie.* (И.А. Гончаров «Обломов»)

При переводе используется прием транспозиции: прилагательное *klein* принимает значение существительного *Kleinen* – *малыши*. Таким образом, диминутивность существительного *малютки* сохраняется, но теряется коннотация – «его кровиночки родные».

Проанализировав примеры *первой* группы диминутивов, мы делаем вывод, что большая часть диминутивных единиц при переводе утрачивается. Самым частотным способом передачи категории диминутивности (в тех случаях, когда она передается) является прием прямой подстановки с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов, причем в большинстве случаев используется суффикс *-chen*. Также перевод выполняется посредством перераспределения значений с помощью прилагательных *klein* и *kurz*, узуальной подстановки и описательного перевода.

2.1.2. Диминутивы, служащие для передачи характеристики

Во *вторую* группу мы отнесли случаи, которые характеризуют героя произведения по следующим признакам: внешность, особенности голоса и поведения. В данную группу также включено описание характерных признаков местности и различных объектов:

(23) Иван Иванович Лапкин, молодой человек приятной наружности, и Анна Семеновна Замблицкая, молодая девушка **со вздернутым носиком**, спустились вниз по крутому берегу и уселись на **скамеечке**.

(23) *Iwan Iwanitsch Lapkin, ein junger Mann von angenehmem Äußeren und Anna Ssemjonowna Samblizkaja, ein junges Mädchen mit einem **Stumpfnäschen**, gingen das steile Ufer hinab und ließen sich auf einer **Bank** nieder.* (А.П. Чехов «Злой мальчик»)

Характерная черта внешности девушки – *вздернутый носик* – передана в немецком переводе сложным существительным *Stumpfnäschen* – *курносый носик*. Диминутивный суффикс здесь сохранен, тем самым сохраняется и исходный оттенок значения. *Вздернутый носик* передает также и озорной характер девушки. Кроме того, диминутив *скамеечка* дает характеристику ситуации в целом – у молодых людей свидание, диминутив позволяет почувствовать неловкость и невинность ситуации. Здесь диминутивность теряется при переводе.

(24) Лестница показалась ей роскошной, великолепной, но из всей роскоши ей прежде всего бросилось в глаза большое зеркало, в котором она увидела **оборвашку** без высокой шляпы, без модной **кофточки** и без туфель бронзового цвета.

(24) Die Treppe erschien ihr luxuriös und großartig, aber von all dem Luxus fiel ihr zuerst ein großer Spiegel auf, in welchem sie ein **deklassiertes Ding** ohne modernes **Jackett**, ohne hohen Hut und ohne Goldkäferschuhe erblickte. (А.П. Чехов «Знакомый человек»)

Диминутив *оборвашка* передан в немецком переводе словосочетанием *ein deklassiertes Ding*. Данный диминутив выражает сочувственное отношение к персонажу, выраженное с помощью описания внешнего вида, а именно одежды

девушки. Немецкое словосочетание *deklassiertes Ding* – вещь/объект с пониженным статусом утрачивает эмоционально-оценочную составляющую.

(25) Каштанка поглядела на незнакомца сквозь снежинки, нависшие на ресницы, и увидела перед собой **коротенького** и **толстенького человечка** с бритым пухлым лицом, в цилиндре и в шубе нараспашку.

(25) *Kaschtanka blickte den Fremdling durch die an den Wimpern hängenden Schneeflocken an und sah einen **kleinen rundlichen Herrn** im Cylinder und Pelzmantel, mit einem rasierten, etwas aufgedunsenen Gesicht.* (А.П. Чехов «Каштанка»)

В данном примере приводится описание персонажа: *коротенький, пухленький человечек*. При переводе все три диминутива утрачивают суффиксы, а вместе с этим и оттенки значений: *коротенький* – *klein* (маленький), *толстенький* – *rundlich* (пухлый, полный), *человечек* – *Herr* (господин, барин). Суффикс *-lich* частично передает диминутивное значение.

(26) Дверь распахнулась, и на пороге показалась **кругленькая, низенькая старушка** в белом чепце и короткой пестрой **кофточке**.

(26) *Die Vortüre ging auf und ließ eine **kleine Matrone** in weißer Haube und kurzer, großgemusterter **Jacke** erscheinen.* (И.С. Тургенев «Отцы и дети»)

Диминутивы в примере (26) выражают ряд внешних признаков: полнота (*пухленькая*), маленький рост (*низенькая*), а за счет *короткой кофточки* признак маленького роста усиливается, так как на этой старушке все вещи кажутся маленькими. Читатель также чувствует расположение автора к героине, так как он употребляет диминутив *старушка*, передающий домашний уют и теплоту. При переводе диминутивность в некоторой степени передается с помощью немецких прилагательных *klein* и *kurz*, однако выраженная в русском языке теплота утрачивается.

(27) Перед ними стоял секретарь съезда Жилин, **маленький человечек** с **бачками** около ушей и с выражением сладости на лице.

(27) *Vor ihnen stand der Sekretär des Plenums, Shilin, ein kleines Männchen mit Bartansätzen bei den Ohren und süßem Gesichtsausdruck.* (А.П. Чехов «Сирена»)

Данный пример дает описание внешних признаков: роста персонажа, а также форму бороды. При переводе первый пример передан с помощью прямой подстановки: *маленький человек* – *kleines Männchen*; второй диминутив утрачивает сему малости в языке перевода.

(28) И тут знойный воздух сгустился перед ним, и соткался из этого воздуха прозрачный гражданин престранного вида. На маленькой головке жокейский картузик, клетчатый кургузый воздушный же пиджачок... Гражданин ростом в сажень, но в плечах узок, худ неимоверно, и физиономия, прошу заметить, глумливая.

(28) *Da plötzlich gerann vor seinen Augen die glühendheiße Luft zu einem durchsichtigen Mann von sehr merkwürdigem Aussehen. Auf dem kleinen Kopf saß eine Jockeimütze, und er trug ein fipsiges, ebenfalls luftartiges kariertes Jäckchen. Er war über zwei Meter groß, aber schmal in den Schultern, unsäglich mager, und seine Visage, wohlbemerkt, grinste fies.* (М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»)

При помощи контраста – *гражданин ростом в сажень, но маленькая головка, картузик, пиджачок* – создается необычный портрет *гражданина престранного вида*. *Маленькая головка* переводится с помощью перераспределения значения – *kleiner Kopf*; *жокейский картузик* утрачивает значение диминутивности; *пиджачок* сохраняет уменьшительный суффикс – *Jäckchen*.

(29) Ипполит быстро обернулся к нему с самою бешеною злобой, и каждая черточка на лице его, казалось, трепетала и говорила.

(29) *Mit rasendem Ingrimme wandte sich Ippolit schnell zu ihm um; jeder Muskel seines Gesichtes zitterte und schien zu sprechen.* (Ф.М. Достоевский «Идиот»)

Диминутив *черточка* передает признак внешности Ипполита: все его лицо было напряжено от гнева вплоть до самой маленькой мышцы. В немецком

варианте диминутивность не передается, перевод выполнен с помощью приема узуальной подстановки.

(30) Уловив в голосе незнакомца теплую, душевную **нотку**, Каштанка лизнула ему руку и заскулила еще жалостнее.

(30) *Kaschtanka, der in der Stimme des Fremden einen freundlichen, warmen **Ton** erhascht hatte, leckte ihm die Hand und begann noch herzbrechender zu winseln.* (А.П. Чехов «Каштанка»)

В данном примере приводится характеристика голосовых качеств незнакомца. Существительное *нотка* утрачивает значение диминутивности при переводе на немецкий язык.

(31) – Тятка! – крикнул детский голос. – А ведь это Каштанка!

– Каштанка и есть! – подтвердил **пьяненький дребезжащий тенорок**. – Каштанка! Федюшка, это, накажи бог, Каштанка! Фюйт!

(31) – *Vater!* – rief eine Kinderstimme. – *Das ist doch Kaschtanka!*

– *Natürlich Kaschtanka!* – bestätigte ein etwas **angeheiterter, zitternder Tenor**. – *Kaschtanka! Fedjuschka, straf mich Gott, das ist Kaschtanka! Füit!* (А.П. Чехов «Каштанка»)

Пример (31) дает характеристику голоса персонажа: *пьяненький дребезжащий тенорок*. Данное описание в совокупности с особенностями речевого портрета героя позволяет читателю представить себе человека невысокого сословия, к которому невольно испытываешь сострадание. При переводе диминутивность полностью утрачивается.

(32) – Я люблю тебя... Ты для меня дороже жизни, – сказал **женский мелодический голосок**.

(32) – *Ich liebe Dich... Du bist mir teurer als das Leben,* – sagte eine melodische **Frauenstimme**. (А.П. Чехов «То была она!»)

В данном примере используется диминутив *женский голосок*, в котором даже без эпитета *мелодичный* чувствуется нежность и певучесть. В переводе используется нейтральное сложное существительное *Frauenstimme* без содержания категории диминутивности.

(33) – Не правильнее ли думать, что управился с ним кто-то совсем другой? – и здесь незнакомец рассмеялся **странным смешком**.

(33) – *Ist es nicht richtiger, anzunehmen, daß ein anderer ihn so gelenkt hat? – Hier ließ der Unbekannte ein **seltsames Kichern** hören.* (М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»)

Диминутив *смешок* означает неприятный, ехидный, короткий смех. Данный диминутив передан в немецком языке с помощью альтернативной подстановки: *seltsames Kichern* – *странное хихиканье*. Несмотря на утрату диминутивности, смысловая составляющая при переводе сохраняется.

(34) А супруга, как ни в чем не бывало, глядела на мужа **маслеными глазками**, весело смеялась, невинно болтала, так что сам черт не заподозрил бы ее в неверности.

(34) *Und die Frau blickte ihren Mann, als wäre nichts gewesen, mit **buttrigen Augen** an, lachte heiter und plauderte so unschuldig, daß selbst der Teufel es nicht gewagt hätte, sie der Untreue zu verdächtigen.* (А.П. Чехов «Мечть»)

Словосочетание *масленые глазки* передано в немецком языке калькой с утратой значения диминутивности – *buttrige Augen*, здесь речь идет о невинном бесхитростном взгляде. Данный пример является характеристикой поведения героини, а также выражением ее интенции. Диминутив *глазки* здесь употреблен по отношению именно к женским глазам.

(35) Дворовые **мальчишки** бегали за дохтуром, как **собачонки**.

(35) *Die jungen **Domestiken** endlich folgten dem Doktor wie **junge Hunde**.* (И.С. Тургенев «Отцы и дети»)

Существительное *мальчишки* переведено словом *Domestiken*, имеющим значение *слуги, прислужники*; в данном контексте слово имеет значение *дети прислуги*. Диминутив дает характеристику озорному хулиганскому характеру *мальчишек*, предоставленных самим себе. Диминутив *собачонки* передан словосочетанием *junge Hunde*, что переводится на русский язык как *щенки*. Данный вариант перевода передает значение диминутива в исходном тексте – мальчишки беспрестанно всюду следовали за доктором.

(36) Щукина завернула в платочек деньги, спрятала и, сморщив лицо в сладкую, деликатную, даже кокетливую улыбочку, спросила:

– Ваше превосходительство, а нельзя ли моему мужу опять поступить на место?

(36) *Die Schtschukina wickelte das Geld in ihr Taschentuch, steckte es ein und fragte, ihr Gesicht in einem süßen, delikaten und sogar etwas koketten Lächeln verziehend:*

– *Ew. Excellenz, könnte mein Mann nicht vielleicht seine alte Stellung wieder einnehmen?* (А.П. Чехов «Беззащитное существо»)

Эпитеты *сладкая, деликатная, кокетливая* по отношению к *улыбочке* позволяют догадаться, что героиня с помощью такой *улыбочки* хочет чего-то попросить у своего собеседника. В данном примере передается характеристика героини через ее действия. Слово *улыбочка* содержит в себе негативную коннотацию, ср.: *ехидная, хитрая, мерзкая улыбочка*. Данная коннотация поддерживается еще и тем, что автор, характеризуя героиню, употребляет словосочетание *сморщив лицо*, что вызывает у читателя неприязненное отношение к этой женщине. Кроме того, в данном примере выявляется еще одно качество Щукиной – жадность, которую она проявляет, *щепетильно заворачивая в платочек деньги*. Диминутив *платочек* узуально передается в немецком варианте сложным существительным *Taschentuch* – *носовой платок* (платок маленького размера), диминутив *улыбочка* теряет уменьшительный суффикс.

(37) По дачной платформе взад и вперед прогуливалась парочка недавно поженившихся супругов.

(37) *Aus dem Eisenbahnperron einer Sommerfrische spazierte ein jungverheiratetes Pärchen.* (А.П. Чехов «Дачники»)

Диминутив *парочка* употребляется здесь по отношению к влюбленным, передавая некоторую кокетливость и игривость в их отношениях. При переводе диминутивный суффикс сохраняется – *Pärchen* – использован прием прямой подстановки.

(38) – А какой я был сорванец, **буйная головушка**, вы и представить себе не можете.

(38) – *Und was ich für ein Wagehals, für ein **Teufelskerl** war, können Sie sich garnicht vorstellen.* (А.П. Чехов «То была она!»)

В данном примере персонажем дается характеристика своего поведения. Диминутивное словосочетание *буйная головушка* передается посредством узуальной подстановки – *Teufelskerl* с утратой значения диминутивности, но значение просторечности сохраняется.

(39) Лев Саввич Турманов, дюжинный обыватель, имеющий **капиталец**, молодую жену и солидную плешь, как-то играл на именинах у приятеля в винт.

(39) *Lew Ssawwitsch Turmanow, ein braver Spießbürger, der ein kleines **Vermögen**, eine junge Frau und eine solide Glatze besaß, spielte einmal bei einem seiner Freunde Schraube.* (А.П. Чехов «Мечь»)

Данный пример характеризует образ жизни и характер героя. *Капиталец* у него хоть и небольшой, но он гордится тем, чего он смог достичь. Ироничность описания усиливается через применение такого стилистического средства как зевгма – *имеющий капиталец, жену и плешь*. В немецком переводе диминутивность, так же как и ироничность, утрачивается: *Vermögen* – *богатство, состояние, имущество*.

(40) И как этот деспот здесь, дома, не похож на того **маленького**, приниженного, бессловесного, бездарного **человечка**, которого мы привыкли видеть в редакциях!

(40) *Und wie wenig ähnelt dieser Despot hier zu Hause jenem **kleinen**, demütigen, wortlosen und unbegabten **Menschlein**, das wir gewohnt sind, in den Redaktionen zu sehen!* (А.П. Чехов «Тссс»)

Пример (40) дает описание персонажа: его роста, положения в обществе, манеры держать себя. Словосочетание *маленький человек* сохраняет значение диминутивности при переводе: *kleines Menschlein*.

(41) Двое в наших руках; но кто же третий? Николашка и Псеков держали. Кто же душил? Псеков робок, конфузлив, вообще трус. **Николашки** же не умеют душить подушкой; они действуют топором, обухом...

(41) *Zweie wären also in unseren Händen; wer aber ist der dritte? Nikolaschka und Psekow hielten. Wer erdrosselte ihn? Psekow ist schüchtern, leicht verlegen, überhaupt ein Feigling. **Leute** aber, **wie Nikolaschka**, verstehen nicht, mit Kissen als Mordwerkzeug zu hantieren; sie arbeiten mit Beilen, Knüppeln...* (А.П. Чехов «Шведская спичка»)

Данный пример интересен тем, что здесь приводится характеристика с помощью приписывания имени собственному определенных качеств, присущих указанной группе людей. При переводе использован прием описательного перевода с сохранением суффикса с помощью транслитерации: *Николашки – Leute, wie Nikolaschka.*

(42) **Городишко** Б., состоящий из двух-трех кривых улиц, спит непробудным сном. В застывшем воздухе тишина. Слышно только, как где-то далеко, должно быть, за городом, жидким, охрипшим **тенорком** лает собака. Скоро рассвет.

(42) *Das **Städtchen** B., das nur aus zwei bis drei krummen Straßen besteht, liegt in tiefen Schlummer versunken. In der regungslosen Luft vernimmt man kaum einen Laut. Nur irgendwo in der Ferne, wahrscheinlich außerhalb der Stadt, bellt mit einem dünnen, heiseren **Tenor** ein Hund. Bis zur Morgenröte dauert es nicht mehr lange.*

Пример (42) представляет описание местности неизвестного, но уютного населенного пункта – *городишка Б.* Диминутив *городишко* сохраняет уменьшительный суффикс – *Städtchen*. Слово *тенорок* теряет диминутивность – *Tenor*.

(43) – **Местечко** в канцелярии я вам приищу, не тугое, но потребует аккуратности.

(43) – *Eine kleine Stelle auf einem Bureau werde ich Ihnen beschaffen, keine sehr anstrengende, aber sie wird Pünktlichkeit verlangen.* (Ф.М. Достоевский «Идиот»)

Данный пример дает имплицитную характеристику незначительности рабочего места, предлагаемого персонажем собеседнику. При переводе используется прием перераспределения значения: *местечко* – *eine kleine Stelle*.

Категория диминутивности в примерах *второй* группы утрачивается при переводе в большинстве случаев. Передача диминутивности в основном происходит посредством использования уменьшительно-ласкательных суффиксов *-chen* и *-lein*, в единичных случаях суффиксом *-lich*. Единичными являются случаи узуальной и альтернативной подстановки, перераспределения значений и описательного перевода.

2.1.3. Диминутивы, передающие субъективную оценку

Третья группа представлена диминутивными единицами, дающими субъективную пейоративную (отрицательную) или мелиоративную (положительную) оценку другим персонажам произведения, объектам окружающей действительности. Диминутивы, содержащие в себе пейоративную субъективную оценку, встречаются в следующих примерах:

(44) <...> камердинеру зашло в голову, что <...> князь просто дурачок и амбиции не имеет, потому что умный князь и с амбицией не стал бы в передней сидеть и с лакеем про свои дела говорить...

(44) <...> *so ging es auch dem Kammerdiener durch den Kopf, daß <...> der Fürst sei einfach ein Narr und ohne Ehrgefühl, da ein vernünftiger Fürst, der Ehrgefühl besitze, nicht im Vorzimmer sitzen und mit einem Diener über seine Angelegenheiten reden würde.* (Ф.М. Достоевский, «Идиот»)

В данном примере камердинер рассуждает о князе Мышкине, давая ему отрицательную характеристику и называя *дурачком*. На немецкий язык

диминутив переведен с утратой значения диминутивности, что усиливает негативную окраску высказывания: *Narr* – дурак, глупец.

(45) – Вот это так королева! – повторял он поминутно, обращаясь кругом к кому ни попало: – вот это так по-нашему! – вскрикивал он, не помня себя. — Ну кто из вас, **мазурики**, такую штуку сделает – а?

(45) «*Das ist einmal eine Königin!*» wiederholte er alle Augenblicke, indem er sich bald an diesen, bald an jenen der Umstehenden wandte. «*Das ist einmal nach meinem Geschmack!*» rief er, kaum von sich selbst wissend. «*Na, wer von euch, ihr **armseligen Gauner**, ist eines solchen Streiches fähig, he?*» (Ф.М. Достоевский, «Идиот»)

Персонаж в своей речи использует обращение с пейоративной оценкой – *мазурики*, данное существительное имеет значение *воры, мошенники*. Перевод на немецкий язык выполнен с помощью приема перераспределения значения с использованием оценочного прилагательного *armselig* – *скудный, убогий, жалкий* и существительного с негативной окраской *Gauner* – *плут, мошенник, жулик*.

(46) Рассказывалось, правда, о каком-то **князьке** и **дурачке** (никто не мог назвать верно имени), получившем вдруг огромное наследство и женившемся на одной заезжей француженке, известной канканерке в Шато-де-Флер в Париже.

(46) *Man erzählte sich allerdings von einem **närrischen jungen Fürsten** (den Namen konnte niemand zuverlässig angeben), der auf einmal eine kolossale Erbschaft gemacht und eine zugereiste Französin, eine bekannte Cancantänzerin aus dem Château des fleurs in Paris, geheiratet habe.* (Ф.М. Достоевский, «Идиот»)

В данном примере употреблены диминутивы, умаляющие достоинство обсуждаемого другими людьми персонажа. Диминутив *князек* имеет резкое уничижительное значение. При переводе категория диминутивности утрачивается. Перевод выполнен с использованием перераспределения значений: *närrischer junger Fürst* – *глупый (юродивый) молодой князь*.

(47) Но когда она [Аглая] еще читала письмо, ей вдруг пришло в голову: неужели же этот самонадеянный мальчишка и фанфаронишка выбран князем в корреспонденты и, пожалуй, чего доброго, единственный его здешний корреспондент?

(47) *Aber gleich bei der Lektüre des Briefes war ihr der Gedanke durch den Kopf gegangen: hat sich denn wirklich der Fürst diesen eingebildeten, großtuerischen Jungen dazu ausersehen, mit ihm Briefe zu wechseln, und ist dieser Junge vielleicht am Ende gar der einzige Mensch, mit dem der Fürst hier in Korrespondenz steht?* (Ф.М. Достоевский, «Идиот»)

(48) – Разве в первый раз мальчишке этому, фавориту вашему, чужие слова коверкать! – с надменным негодованием ответила Аглая.

(48) – *Als ob es das erstemal wäre, daß dieser freche Junge, Ihr Liebling, anderer Leute Worte verdreht!* – *antwortete Aglaja hochmütig und unwillig.* (Ф.М. Достоевский «Идиот»)

В примере (47) с помощью несобственно-прямой речи переданы внутренние чувства героини: презрение, пренебрежение к мальчику посредством диминутивов *мальчишка*, *фанфаронишка*. Пример (48) также выражает чувства Аглаи, но уже посредством прямого высказывания. В примере (48) для передачи негативной коннотации также используется непрямой порядок слов: *мальчишке этому*, *фавориту вашему*. Данные диминутивы переведены на немецкий язык с перераспределением значения с помощью прилагательного с отрицательной коннотацией и нейтрального существительного: *großtuerischen Junge* – *высокомерный/хвастливый мальчик*; *freche Junge* – *дерзкий/наглый/нахальный мальчик*.

(49) «Молокосос... – думал он, сердито ломая мелок. – Мальчишка... Не хочется только связываться, а то я показал бы тебе Собакевича!»

(49) «*Milchbart*» – *dachte er, ärgerlich die Kreide zerbröckelnd. «Dummer Junge... Ich möchte mich mit Dir nur nicht einlassen, sonst würde ich Dir den 'Brummbären' zeigen!*» (А.П. Чехов «Месть»)

Диминутивное существительное с негативной коннотацией передается словосочетанием прилагательного с отрицательной оценкой и нейтрального существительного: *мальчишка – dummer Junge (глупый мальчик)*.

(50) Естественно, **купчина** струсит и сейчас же донесет полиции, а полиция засядет к шести часам в кусты – и цап-царап его, **голубчика**, когда он за письмом полезет!

(50) *Natürlich wird die **Krämerseele** einen Schreck kriegen und es sofort der Polizei anzeigen. Die Polizei wird sich gegen sechs Uhr im Gebüsch verstecken und den **Knaben** fassen, wenn er kommt, um den Brief abzuholen!* (А.П. Чехов «Мечь»)

В данном примере купцу дается отрицательная оценка с использованием пейоративного существительного *купчина*, имеющего значение *торгаш, мелочный меркантильный человек*. На немецкий язык данное существительное передано посредством альтернативной подстановки – *Krämerseele* – *мелочная душа, мелкий лавочник*. Что касается существительного *голубчик*, оно также передает пейоративное значение с оттенком беспомощности: «никуда он не денется». Диминутив *голубчик* узуально переведен на немецкий язык существительным *Knabe* – *парень, старина*.

(51) Целый вечер потом стоял он против лавки Дулинова, грозился на вывеску кулаком и бормотал в негодовании: – Трррус! **Купчишка!** Презренный Кит Китыч! Трррус! Заяц толстопузый!..

(51) *Am Abend stand er gegenüber dem Laden Dulins, drohte mit der Faust auf das Schild und murmelte entrüstet: «Feigling! **Krämerseele!** Miserabler Pfeffersack! Feigling! Dickbäuchiger Hase...»* (А.П. Чехов «Мечь»)

Непрямой порядок слов используется в данном примере, чтобы показать, что все перечисленные действия героя длились довольно долго (*Целый вечер он стоял..., грозился..., бормотал...*) Несмотря на ряд негативных слов и словосочетаний, произнесенных им в адрес Дулинова, реальной угрозы его слова и действия не несут, так как произносятся *бормоча*, а только лишь выражают пренебрежение и презрение. Произнесенное персонажем

уничижительное ругательство *купчишка* узуально переведено сложным существительным *Krämerseele* – мелочная душа, мелкий лавочник.

(52) – Мари Крыскина, *ma tante*, получила письмо из Ниццы... **Муженек-то!** А? Каков? Очень развязно описывает дуэль, которая была у него с одним англичанином из-за какой-то певицы... забыл ее фамилию...

(52) – *Marie Kriskin, ma tante, hat aus Nizza einen Brief... **Ihr Mann** – wie gefällt Ihnen das? – beschreibt ganz harmlos ein Duell, welches er wegen irgend einer Sängerin mit einem Engländer gehabt hat... wegen der Dingsda, den Namen hab' ich vergessen...* (А.П. Чехов «Раз в год»)

Диминутив *муженек* с частицей *-то* имеет ярко выраженную отрицательную коннотацию, а также передает оттенок пренебрежения, презрения и возмущения. При переводе переводчик ставит перед именем существительным притяжательное местоимение, чтобы хоть частично передать субъективное отношение говорящего.

(53) На диване, обитом малиновым бархатом, полулежит **хорошенькая дамочка**. Дорогой бахромчатый веер трещит в ее судорожно сжатой руке, *pince-nez* то и дело спадает с ее **хорошенького носика**, брошка на груди то поднимается, то опускается, точно ладья среди волн... Изломанный веер закрывает **хорошенькое личико**.

(53) *Auf dem mit rotem Sammet bezogenen Diwan sitzt in halbliegender Stellung eine **hübsche junge Dame**. Der teure Spitzenfächer knistert in ihrer krampfhaft zusammengepreßten Hand, das Pincenez fällt immerfort von ihrem **hübschen Näschen**, die Brosche auf ihrer Brust hebt sich und senkt sich wie ein Nachen auf den Wellen... Der zerknitterte Fächer verdeckt das **schöne Gesichtchen**.* (Чехов, Загадочная натура) Изобилие повторяющихся диминутивов указывает на издевку, иронию по отношению к «дамочке»

В данном примере с помощью трижды употребленного диминутива *хорошенькая*, примененного к описанию внешности, автор выражает иронию и некоторую издевку по отношению к персонажу, так как другие слова для ее описания он не употребляет. Диминутив *дамочка* в речи обычно звучит либо

фамильярно, либо иронично: в обиходно-разговорной речи мы часто можем слышать: «*Дамочка, пройдите сюда, пожалуйста*». При использовании описательного момента автор потешается над героиней, пытаясь передать ее состояние – она взволнована, что выражается в ее движениях, прикрывает дорогим, но уже изломанным от судорожных движений веером лицо. Слова *носик* и *личико* при переводе диминутивность сохраняют – *Näschen*, *Gesichtchen*, а вот прилагательное *хорошенький* теряет диминутивный суффикс – *hübsche*, *schöne*.

(54) – Дело, батенька, не в бабе. Дело в **подленьком, гаденьком, скверненьком чувстве...**

(54) – *Es handelt sich auch garnicht um das Frauenzimmer. Es handelt sich um ein **niedriges, gemeines Gefühlchen**...* (А.П. Чехов «Шведская спичка»)

Пример (54) выражает внутреннее состояние персонажа. Диминутивы показывают, что *чувство*, которое испытывает персонаж, хоть и незначительное, но, тем не менее, *подленькое, гаденькое, скверненькое*, которое доставляет хлопоты и портит настроение. При переводе применяется перераспределение значений: прилагательные утрачивают диминутивные суффиксы, а существительное, наоборот, присоединяет его: *niedriges, gemeines Gefühlchen*.

(55) Недурно бы женино письмо заранее выкрасть из вазы, а вместо него положить какие-нибудь **скабрзные стишки** с подписью «твоя Акулька» или что-нибудь в этом роде.

(55) *Den Brief seiner Frau aus der Vase früher herauszunehmen und dorthin irgend ein **unanständiges Gedicht** mit der Unterschrift »Deine Akuljka« zu legen, oder so was Ähnliches, wäre auch nicht übel.* (А.П. Чехов «Мечь»)

Данный пример показывает намерения персонажа совершить какой бы то ни было гадкий, подлый поступок в отместку обидчикам. Диминутивное словосочетание с коннотацией уничижительности *скабрзные стишки* передано языком перевода прилагательным с отрицательным значением и нейтральным

существительным с утратой диминутивности: *unanständiges Gedicht* – *пошрое/непристойное стихотворение*.

(56) – Тэк-с... А у вас миленькая аптечка! Сколько тут разных этих... банок! И вы не боитесь вращаться среди ядов! Бррр!

(56) – *So... Sie haben eine ganz nette Apotheke! Wieviel verschiedene... Büchsen es hier giebt! Und Sie fürchten sich nicht, so inmitten der Gifte zu leben? Brrrr!* (А.П. Чехов «Аптекарь»)

Диминутивное словосочетание *миленькая аптечка* употреблено, чтобы выразить иронию и сарказм к аптеке, где повсюду стоят банки с ядами. В переводе диминутивность, а вместе с ней и ирония, утрачивается: *ganz nette Apotheke* – *довольно милая аптека*.

(57) Цирульня маленькая, узенькая, поганенькая. Бревенчатые стены оклеены обоями, напоминающими полинялую ямщицкую рубаху.

(57) *Die Barbierstube ist klein, schmal und schäbig. Die Balkenwände sind mit einer Tapete beklebt, die an ein verblichenes Fuhrmannshemd erinnert.* (А.П. Чехов «В цирюльне»)

Данный пример дает выраженную негативную характеристику цирюльне: *маленькая, узенькая, поганенькая*. Диминутивные прилагательные добавляют некоторый оттенок жалости к описанию. При переводе уменьшительные суффиксы утрачиваются.

(58) – Что ж здесь именно так не понравилось?

– Все, вечная беготня взапуски, вечная игра дрянных страстишек, особенно жадности, перебиванья друг у друга дороги, сплетни, пересуды, щелчки друг другу, это оглядывание с ног до головы;

(58) – *Was mißfällt dir denn hier so sehr?*

– *Alles, das ewige Wettlaufen, das Spiel der häßlichen Leidenschaften, besonders dieser hier, das Einanderimwegestehen, der Klatsch und das Verleumden, die Nasenstüber, die man sich gegenseitig austellt, dieses Mustern vom Kopf bis zu den Füßen;*

В примере (58) раскрывается субъективное отношение персонажа к ситуации: пренебрежение, отвращение, неприязнь. Диминутивность словосочетания *дрянные страстишки* при переводе не сохраняется: *häßliche Leidenschaften* – *ненавистные пристрастия*.

(59) И тут закопошились в мозгу у Степы какие-то **неприятнейшие мыслишки** о статье, которую, как назло, недавно он всучил Михаилу Александровичу для напечатания в журнале.

(59) *Und schon durchschwirrte Stjopas Gehirn der höchst **peinliche Gedanke** an einen Artikel, den er Berlioz ausgerechnet jetzt erst aufgedrängt hatte, damit der ihn in seiner Zeitschrift abdrucke.*

В отличие от полной формы существительного *мысли* (ср.: умная мысль, мысли о высоком), диминутивная форма *мыслишки* имеет негативный смысловой оттенок – что-то навязчивое, низкое, подлое, что закрадывается, *копошится в мозгу*. Перевод словосочетания *неприятнейшие мыслишки* передан с утратой категории диминутивности: *peinliche Gedanke* – *мучительные/неприятные мысли*.

(60) В качестве адъютанта мне много приходилось рыскать по уезду. То я ездил овес или сено покупать, то продавал жидам и панам бракованных лошадей, а чаще всего, сударыни мои, под видом службы, скакал <...> к богатым помещикам поиграть в **картишки**...

(60) *Als Adjutant mußte ich im Bezirk viel umherreisen. Bald fuhr ich, Hafer oder Heu einkaufen, bald verkaufte ich an die Juden oder Pans zurückgestellte Pferde, am häufigsten aber, meine Damen, fuhr ich, unter dem Vorwande des Dienstes, <...> zu reichen Gutsbesitzern, **Karten** spielen... (А.П. Чехов «То была она!»)*

В данном примере выражается несерьезное отношение персонажа к игре в карты, он относится к этому, как к непринужденному способу времяпрепровождения. Существительное *картишки* теряет диминутивный суффикс при переводе – *Karten*.

Диминутивы с мелиоративным значением по отношению к различным объектам или явлениям с оттенками симпатии, трепета, восторга, а также жалости и сочувствия встречаются в следующих примерах:

(61) – И к тому же, – басит доктор, отрывивая после зельтерской, – мужья такая скучная история, что хорошо бы они сделали, если б всегда спали. Эх, к этой водице да винца бы красенького!

(61) – *Und außerdem, – meint mit seiner Baßstimme der Doktor, nach dem Selterwasser aufstoßend, – außerdem sind die Ehemänner ein so langweiliges Kapitel, daß sie gut thäten, immer zu schlafen. Na, zu diesem Wasserchen etwas Rotspon, das wäre was!* (А.П. Чехов «Аптекарь»)

(62) – Едучи домой, надо стараться, чтобы голова думала только о графинчике да закусочке. Я раз дорогою закрыл глаза и вообразил себе поросеночка с хреном, так со мной от аппетита истерика сделалась.

(62) – *Wenn man nach Hause fährt, muß man nur an die Karaffe und an die Sakuska denken. Einmal schloß ich unterwegs die Augen und stellte mir in der Phantasie ein Spanferkel mit Meerrettig vor – ich bekam vor lauter Appetit beinahe einen hysterischen Anfall.* (А.П. Чехов «Сирена»)

(63) – Ну-с, когда вы входите в дом, то стол уже должен быть накрыт, а когда сядете, сейчас салфетку за галстук и не спеша тянетесь к графинчику с водочкой. Да ее, мамочку, наливаете не в рюмку, а в какой-нибудь допотопный дедовский стаканчик из серебра или в этакий пузатенький с надписью «его же и монаси приемлют», и выпиваете не сразу, а сначала вздохнете, руки потрете, равнодушно на потолок поглядите, потом, так не спеша, поднесете ее, водочку-то, к губам и — тотчас же у вас из желудка по всему телу искры...

(63) – *Nun also, wenn Sie eintreten, muß der Tisch schon gedeckt sein. Sie setzen sich, stecken gleich die Serviette hinter die Binde und langen ohne Eile nach der Schnapskaraffe. Und das Schnäpschen gießen Sie sich nicht in ein Spitzglas ein, sondern in irgend so einen vorsintflutlichen silbernen Familienbecher, oder in so ein dickwanstiges Gläschen mit der Aufschrift: ›Auch ein Mönch, ein krasser, trinkt*

*nicht immer Wasser! Und Sie trinken nicht gleich, sondern seufzen zuerst aus, reiben sich die Hände, werfen einen gleichgiltigen Blick an die Decke, führen dann das **Schnäpschen** ohne Eile an die Lippen – und sofort fühlen Sie, wie Ihren ganzen Körper vom Magen aus belebende Funken durchzucken...* (А.П. Чехов «Сирена»)

(64) – Но лучше всего, благодетель мой, **борщок** из свеклы на хохлацкий манер, с **ветчинкой** и с **сосисками**. К нему подаются сметана и свежая **петрушечка с укропцем**.

(64) – *Am besten aber, mein Verehrtester, ist ein **Borstschock** aus Beeten auf kleinrussische Art mit etwas **Schinken** und **Wiener Würsteln**. Dazu wird saure Sahne und frische **Petersilie** mit etwas **Dill** genommen.* (А.П. Чехов «Сирена»)

(65) – Для услаждения можете выкушать **рюмочки** три **запеканочки**.

(65) – *Da werden Sie etwa drei **Gläschen** im Ofen selbst **abgezogenen Likörs** nicht ohne innere Befriedigung zu sich nehmen können.* (А.П. Чехов «Сирена»)

В примерах (61) – (65) выражено вольготное отношение говорящего к еде. Данные примеры переполнены восторгом, предвкушением, почти благоговением русского человека перед трапезой. Здесь проявляется такой параметр культуры, как отношение к традициям приема пищи. Русский человек трепетно относится и к *водочке*, и к *винцу*, и к *петрушечке с укропцем* и возносит трапезу в ранг ритуала, частью которого является и отдых после еды, который описан в примере (66):

(66) – Да-с, – продолжал секретарь. – Покуривши, подбирайте полы халата и **айда к постельке!** Этак ложитесь на **спинку**, **животиком** вверх, и берите **газетку** в руки.

(66) – *Ja... – fuhr der Sekretär fort. – Wenn Sie ausgeraucht haben, nehmen Sie die Schöße Ihres Schlafrockes auf und **'nur auf ein Viertelstündchen'**! Sie legen sich so auf den **Rücken**, mit dem **Bauch** nach oben und nehmen eine **Zeitung** in die Hand.* (А.П. Чехов «Сирена»)

Посредством обилия диминутивов, употребленных относительно различного рода удобств и приятностей, создается определенная атмосфера раздолья, блаженства. При переводе большинство диминутивных единиц

теряют уменьшительные суффиксы, однако часть диминутивов сохраняется и переводится с помощью прямой подстановки: *водица* – *Wasserchen*; *водочка* – *Schnäpschen*; *стаканчик, рюмочка* – *Gläschen*; существительное *поросенок* переведено сложным существительным *Spanferkel* – *молочный/подсосный поросенок*; существительное *борщок* передано на немецкий язык с помощью приема транслитерации – *Borstschock*. При переводе выражения *айда к постельке* использован способ узуальной подстановки с сохранением значения диминутивности – *‘nur auf ein Viertelstündchen’* (всего на четверть часика).

Примеры (67) – (75) посвящены положительному отношению к женщинам, в них упоминаются детали женской одежды, внешности и характера:

(67) Кити была в одном из своих счастливых дней. <...> розовые туфли на высоких выгнутых каблуках не жали, а веселили ножку, Густые косы белокурых волос держались как свои на маленькой головке. (Л.Н. Толстой «Анна Каренина»)

(67) *Kitty hatte einen ihrer glücklichen Tage. <...> die rosa Tanzschuhe mit den hohen geschwungenen Absätzen drückten nicht, sondern paßten sich ihren zierlichen Füßen bequem an. Die dichten bandeaux aus blondem Haar saßen auf ihrem kleinen Kopf wie eigenes Haar.*

Употребляя диминутивы *ножка*, *маленькая головка*, автор выражает миниатюрность и нежность образа Кити. Описание ее внешнего вида передает внутреннее состояние героини, она чувствует себя свободно и просто, несмотря на все приготовления к балу, которые ей необходимо было совершить. Диминутивы переведены с утратой значения диминутивности.

(68) Проснувшись утром и вспомнивши свою выдумку, он весело замурлыкал и даже потрогал неверную жену за подбородочек.

(68) *Als er am Morgen aufwachte und sein Streich ihm einfiel, begann er heiter zu girren und faßte sein ungetreues Weib sogar am Kinn.* (А.П. Чехов «Месь»)

Диминутив *подбородочек* употреблен по отношению к аккуратной и миниатюрной части женского лица. При переводе диминутивность не сохраняется.

(69) У ней, в умненькой, хорошенькой головке, развился уже подробный план, как она отучит Обломова спать после обеда, да не только спать – она не позволит ему даже прилечь на диване днем: возьмет с него слово.

(69) *In ihrem klugen, hübschen Köpfchen hatte sich schon ein eingehender Plan entwickelt, wie sie Oblomow den Nachmittagsschlaf abgewöhnen würde; sie würde ihm nicht nur das Schlafen, sondern sogar das Liegen auf dem Sofa bei Tag verbieten; sie wollte ihm das Versprechen abnehmen.* (И.А. Гончаров «Обломов»)

В примере (69) дается положительная оценка уму и находчивости женщины. Диминутивность существительного сохраняется: *головка* – *Köpfchen*; прилагательные утрачивают уменьшительный суффикс.

(70) Оно, конечно, весьма приятно, ежели жена будет из себя полненькая, но это для обоюдной фортуны не суть важно; главное – ум.

(70) *Es ist natürlich angenehm, wenn die Frau eine volle Figur hat, aber notwendig ist es für die beiderseitige Fortuna nicht; die Hauptsache bleibt der Verstand.* (А.П. Чехов «Хороший конец»)

Прилагательное *полненькая* содержит в себе сему умиления и симпатии к полной женской фигуре. В немецком варианте используется описательный перевод, при этом теряется дополнительная коннотация: *полненькая* – *volle Figur hat*.

Примеры (71) и (72) также относятся к описанию внешности женщины с положительной коннотацией. При переводе прилагательные теряют диминутивные суффиксы:

(71) – Прибавьте ко всему этому, что я состоял полковым адъютантом, отлично танцевал мазурку и был женат на прехорошенькой женщине, упокой господи ее душу.

(71) – *Ziehen Sie außerdem noch in Betracht, daß ich Regimentsadjutant war, vorzüglich Mazurka tanzte und eine ganz reizende Frau hatte, Gott habe sie selig!* (А.П. Чехов «То была она!»)

(72) Сеттер-поручик уже стоял около одной очень молоденькой блондинки в черном платье и, ухарски изогнувшись, точно опираясь на невидимую саблю, улыбался и кокетливо играл плечами.

(72) *Der Setter-Leutnant stand schon in einer schneidigen Pose, als stütze er sich auf einen unsichtbaren Säbel neben einer sehr jungen Blondine in schwarzem Kleide, lächelte und spielte kokett mit den Schultern.* (А.П. Чехов «Поцелуй»)

Примеры (73) и (74) в некоторой степени отличаются от предыдущих, где описание женщины имело характер восторга, нежности и симпатии. В примере (74) отношение становится непристойным, бесстыдным, неприличным:

(73) – Тут, Обтесов, аптекарша хорошенькая... Спит теперь мамочка за окошечком! Обтесов, а? Раскинулась от жары... ротик полуоткрыт... и ножка с кровати свесилась.

(73) – *Hier giebt es nämlich, Obtjossow, eine hübsche Apothekerin... Sie schläft jetzt hinterm Fenster, das Puppchen! Obtjossow, he? Liegt vor Hitze so hingegossen... das Mündchen ist halb geöffnet... das Füßchen hängt zum Bett heraus.* (А.П. Чехов «Аптекарша»)

Существительные *ротик*, *ножка* переводятся на немецкий язык посредством прямой подстановки: *Mündchen*, *Füßchen*; перевод существительного *мамочка* выполнен приемом альтернативной подстановки – *Puppchen*; диминутивные единицы *хорошенькая* и *окошечко* теряют значение диминутивности при переводе.

(74) – Какая, однако, вы кокетка! – тихо хохочет доктор, глядя на нее исподлобья, плутовски. – Глазенки так и стреляют! Пиф! паф! Поздравляю: вы победили! Мы сражены!

(74) – *Wie Sie übrigens kokett sind! – lacht leise der Doktor, sie schelmisch von unten herauf ansehend. – Die Äuglein schießen nur so! Piff! paff! Ich gratuliere: Sie haben gesiegt! Wir sind gefangen!* (А.П. Чехов «Аптекарша»)

Произнося свою речь в адрес аптекарши, доктор выражает интенцию привлечь внимание своего предмета обожания, очаровать женщину комплиментами. Диминутив *глазенки* переведен приемом прямой подстановки с использованием уменьшительно-ласкательного суффикса: *Äuglein*.

(75) Наталья Михайловна, молодая **дамочка**, приехавшая утром из Ялты, обедала и, неугомонно треща языком, рассказывала мужу о том, какие прелести в Крыму.

(75) *Natalja Michajlowna, eine junge **Frau**, die am Morgen aus Jalta heimgekehrt war, aß zu Mittag und erzählte ihrem Mann, ohne ihr Zünglein auch nur eine Sekunde stillstehen zu lassen, von den Herrlichkeiten der Krim.* (А.П. Чехов «Длинный язык»)

Диминутив *дамочка* показывает игривый беззаботный характер героини, на данные качества также указывает ее манера разговора – она неугомонно трещит языком. В переводе категория диминутивности теряется: *дамочка – Frau*.

(76) – Юлий Августович! – обратился к французу хозяин. – Передайте **бутылочку** по принадлежности!

(76) – *Julius Awgustowitsch! – rief da der Hausherr dem Franzosen zu, – reichen Sie doch, bitte, die **Flasche** hinüber!* (А.П. Чехов «Орден»)

В данном примере выражается намерение говорящего создать доверительную атмосферу и расположить к себе собеседника. Категория диминутивности в переводе не передается: *бутылочка – Flasche*.

(77) – Глаза, понимаешь, Васичка, черные-пречерные, как у-уголь, **морденка татарская**, глупая такая, смешная... Я его вот как держала! Вот!

(77) – *Augen hatte er, schwarz, pechschwarz, wie eine Kohle, verstehst Du, Wassitschka, ein **tatarisches Fratzchen**, so dumm und komisch... Ich hielt ihn stramm! So!* (А.П. Чехов «Длинный язык»)

В примере (77) выражена субъективная характеристика персонажа, о котором идет речь. В существительном *морденка* содержится сема умиления,

восхищения. Перевод выполнен с помощью альтернативной подстановки с сохранением диминутивного суффикса: *Fratzchen* – *рожица, гримаска*.

(78) С улицы послышался лай, и она хотела ответить на него, но вдруг неожиданно ею овладела грусть. Она вспомнила Луку Александрыча, его сына **Федюшку**, **уютное местечко** под верстаком...

(78) *Von der Straße her ertönte Hundegebell, und Kaschtanka wollte darauf antworten, aber plötzlich, ganz unerwartet, befiel ihn das Heimweh. Er dachte an Luka Alexandritsch, an seinen Sohn **Fedjuschka**, an das **liebe Plätzchen** unter der Nobelbank...* (А.П. Чехов «Каштанка»)

Пример (78) содержит диминутивы, характеризующие приятные воспоминания Каштанки о прошлом. Имя собственное Федюшка переведено приемом транслитерации – *Fedjuschka*, а диминутив местечко – приемом прямой подстановки – *Plätzchen*.

(79) С тех пор он как-то особенно полюбил эту глухую, **степную** свою **деревеньку**, заезжал каждое лето, гостил по два, даже по три месяца, и так прошло довольно долгое время, года четыре, спокойно и счастливо, со вкусом и изящно.

(79) *Von der Zeit an hatte er dieses ihm gehörende **Steppendörfchen** ganz besonders in sein Herz geschlossen; er besuchte es jeden Sommer und wohnte dort zwei, selbst drei Monate lang. So verging eine ziemlich lange Zeit, wohl vier Jahre, ruhigen und glücklichen, schönen und genußreichen Lebens.* (Ф.М. Достоевский «Идиот»)

Словосочетание *степная деревенька* переведено сложным существительным *Steppendörfchen*, образованное с помощью диминутивного суффикса -chen. В данном примере функцией диминутива является передача нежных, трепетных чувств, связанных с этой *деревенькой*, где персонаж чувствует себя, как дома, называя ее *своей*.

(80) **Скамеечка** стояла у самой воды, между густыми кустами молодого ивняка. Чудное **местечко**!

(80) Die **Bank** stand hart am Wasser zwischen dichtem Weidengebüsch. Ein prächtiges **Plätzchen!** (А.П. Чехов «Злой мальчик»)

Существительные *скамеечка* и *местечко* выражают субъективную оценку, которую герои рассказа с помощью несобственно-прямой речи дают предметам, составляющим живописный ансамбль пейзажа берега реки. Существительное *скамеечка* утрачивает категорию диминутивности – *Bank*, существительное *местечко* сохраняет диминутивный суффикс – *Plätzchen*.

(81) Свежевымытые оконные стекла робко заигрывают с **весенним солнышком.**

(81) Die hell gescheuerten Scheiben kokettieren schüchtern mit der **Frühlingssonne.** (А.П. Чехов «Раз в год»)

Словосочетание *весеннее солнышко* передает положительную субъективную оценку и приятные теплые чувства, связанные с наступающей весной. Перевод выполнен посредством словосложения – *Frühlingssonne*. Узуально в немецком языке существительное *солнце* не употребляется в форме диминутива.

Диминутивы, употребленные в примерах (82) – (85) содержат сему сожаления, сострадания и сочувственного отношения к животным, местности, людям:

(82) – Что же ты скулишь? – продолжал он, сбивая пальцем с ее спины снег. – Где твой хозяин? Должно быть, ты потерялась? Ах, бедный **песик!** Что же мы теперь будем делать?

(82) – Was greinst Du denn? – fuhr er, ihm mit dem Finger den Schnee vom Rücken abstreifend, fort. – Wo ist denn Dein Herr? Du hast Dich wohl verlaufen? Ach Du armes **Hundchen!** Was fangen denn wir mit Dir an? (А.П. Чехов «Каштанка»)

Интенцию сожаления и желания помочь подтверждают действия говорящего – *сбивает пальцем с ее [собаки] спины снег*. Диминутив *песик* при переводе сохраняет уменьшительно-ласкательный суффикс – *Hundchen*.

(83) Попадались и речки с обрытыми берегами, и крошечные пруды с худыми плотинами, и деревеньки с низкими избенками под темными, часто до половины разметанными крышами, и покривившиеся молотильные сарайчики с плетеными из хвороста стенами и зевающими воротницами возле опустелых гумен, <...>.

(83) *Hier und da stieß man auch auf kleine Bäche, von nackten Ufern, oder auf Weiher, von schlechten Dämmen eingehegt; dann kamen arme Dörfer, deren niedrige Häuschen schwarze, zerfetzte Strohdächer trugen; armselige Scheunen zum Dreschen des Getreides, mit Wänden aus geflochtenen Baumzweigen und enormen, vor leeren Tennen gähnenden Toren; <...>. (И.С. Тургенев «Отцы и дети»)*

Диминутивы в примере (83) переданы посредством перераспределения значений: при переводе употреблены оценочные прилагательные *klein* – маленький; *arm* – бедный; *armselig* – убогий, жалкий; и нейтральные существительные: *Bach* – поток, ручей; *Dorf* – деревня; *Scheune* – сарай, амбар.

(84) И сам домик обветшал немного, глядел небрежно, нечисто, как небритый и невытый человек.

(84) *Auch das Häuschen selbst war ein wenig gealtert und sah nachlässig und schmutzig aus, wie ein unrasierter und ungewaschener Mensch. (И.А. Гончаров «Обломов»)*

Диминутивное существительное домик в языке перевода переведено с помощью прямой подстановки с сохранением суффикса – *Häuschen*, сема сочувствия также передана в немецком варианте.

(85) Как нарочно, мужички встречались все обтерханные, на плохих клячонках;

(85) *Als ob es so hätte sein müssen, hatten alle Bauern, die ihnen in den Weg kamen, ein klägliches Aussehen und ritten auf kleinen Mähren. (И.С. Тургенев «Отцы и дети»)*

При употреблении словосочетания *обтерханные мужички* передается образ русского крестьянина, худого, измученного физическим трудом.

Диминутивный суффикс существительного *клячка* меняет негативное значение слова *кляча* на сочувственное, таким образом два противоположных по смыслу признака входят в конфликт. В словосочетании *плохая клячка* сема диминутивности избыточна, что усиливает жалостливое впечатление. Категория диминутивности при переводе утрачивается.

Рассматривая *третью* группу диминутивных единиц, передающих субъективные значения, можно увидеть, что категория диминутивности не передается немецким языком в большинстве примеров. Среди тех же примеров, где предпринимается попытка передать диминутивы, прямая подстановка с использованием уменьшительно-ласкательных суффиксов является наиболее частотным средством перевода диминутивных единиц. Встречаются такие приемы перевода, как узуальная подстановка и перераспределение значений. Единичны случаи употребления транслитерации при передаче реалий русской культуры и имен собственных, а также альтернативной подстановки.

2.1.4. Диминутивы-обращения с указанием статусно-ролевых отношений между героями

К *четвертой* группе относятся диминутивы-обращения, указывающие на различного рода отношения между героями. Форму диминутивной единицы при выполнении функции обращения могут принимать как нарицательные существительные, так и имена собственные.

(86) – Простите, гражданочка, – вдруг обратился Василий Степанович к девице, – кот к вам черный не заходил?

(86) – *Entschuldigen Sie, junge Frau, – sagte plötzlich Wassili Stepanowitsch zu dem Fräulein. – Ist ein schwarzer Kater bei Ihnen gewesen?* (М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»)

Данный пример выражает обращение персонажа к молодой девушке, именно с этим связано употребление диминутивного суффикса – *гражданочка*. Это обращение в русском языке обладает национально-культурным

компонентом значения. При переводе на немецкий язык происходит лексическая трансформация – значение перераспределяется на оценочное прилагательное *jung* – *молодая*, а существительное принимает нейтральное значение: *Frau* – *женщина, гражданка*.

(87) – Ну, чего думаешь? Задача-то ведь пустяковая! – говорит Удодов Пете. – Экий ты дурак, **братец!** Решите уж вы ему, Егор Алексеич.

(87) – *Na, was denkst Du denn? Die Aufgabe ist doch ein Strunt! – sagt Udodow seinem Sohne. – Was Du für ein Schafskopf bist, **mein Lieber!** Lösen Sie sie ihm schon selbst, Jegor Alexejitsch.* (А.П. Чехов «Репетитор»)

(88) – Четыре... пять... Отойди, **братец**, отойди; можешь даже за дерево стать и уши заткнуть, только глаз не закрывай; а повалится кто, беги подымать.

(88) – *Vier... fünf... Zieh dich zurück, **mein Braver**, zieh dich zurück, du darfst dich sogar hinter einen Baum stellen und dir die Ohren verstopfen, aber die Augen halte offen; wenn einer von uns fällt, lauf, fliege, eile, ihn aufzuheben.* (И.С. Тургенев «Отцы и дети»)

Обращение *братец*, употребленное в примерах (87) и (88) содержит коннотацию раздражения и недовольства другим персонажем, при этом родственные связи между героями отсутствуют. В языке перевода диминутив передан притяжательным местоимением и существительными, подвергшимися транспозиции – прилагательные *lieb* и *brav* принимают форму существительных *Lieber*, *Braver*. Диминутивность при переводе не сохраняется. Главное здесь – сниженность, просторечие.

(89) – Ах, Василий Иванович, – пролепетала старушка, – в кои-то веки **батюшку-то** моего, **голубчика-то**, **Енюшень-ку**, – и, не разжимая рук, она отодвинула от Базарова свое мокрое от слез, смятое и умиленное лицо, посмотрела на него какими-то блаженными и смешными глазами и опять к нему припала.

(89) – *Aber Wassili Iwanowitsch! – erwiderte die Alte fortschluchzend, – wenn ich denke, daß er da ist, **unser Eniuchenka**, **unser Herzblatt!** – und ohne ihn aus den Armen zu lassen, hob sie das tränenfeuchte Gesicht, sah Bazaroff mit einem komisch-*

glücklichen Ausdruck an und drückte ihn noch einmal an sich. (И.С. Тургенев «Отцы и дети»)

Диминутивы в речи матери Базарова отражают ее внутренние переживания, связанные с долгим отсутствием сына, а также нежные материнские чувства, которые она к нему испытывает. Повторяющаяся конструкция *-то* выражает отчаянное состояние, прерывистое дыхание, вызванное рыданиями. Диминутивы в этом примере также являются архаичными выражениями, усиливающими выражение любви матери к сыну. Диминутив голубчик передан узуальным существительным *Herzblatt* – *любимец, душенька, миленький*.

(90) – Да как же, **батюшка**, Илья Ильич, я распорядюсь? – начал мягким сипеньем Захар. – Дом-то не мой: как же из чужого дома не переезжать, коли гонят?

(90) – *Wie soll ich's denn einrichten, **Väterchen**, Ilja Iljitsch?* – *begann Sachar mit sanfterem Krächzen, – das Haus gehört ja nicht mir, wie sollte man denn nicht aus einem fremden Hause ausziehen, wenn man fortgejagt wird?* (И.А. Гончаров «Обломов»)

Диминутивное архаичное обращение *батюшка* указывает на статусные отношения барина, Обломова, и Захара, слуги Обломова, верного ему с детства. В немецком варианте диминутивность сохраняется – *Väterchen*.

(91) – Покажи-ка мне, **матушка**, осетра! – сказал Ахинеев, потирая руки и облизываясь. – Запах-то какой, миазма какая! Так бы и съел всю кухню! Ну-кася, покажи осетра!

(91) – ***Meine Beste**, zeig' mal den Fisch etwas her!* – *sagte Achinejew, sich schmunzelnd die Hände reibend. – Na, ist das ein Duft! Die ganze Küche möchte man verspeisen! Na also, zeig mal den Fisch!* (А.П. Чехов «Клевета»)

Обращение *матушка* в данном примере указывает не на родственные отношения, а на интенцию говорящего расположить к себе собеседницу, кухарку, и завоевать ее доверие, ласково называя ее *матушкой*. В переводе для передачи диминутива используется притяжательное местоимение *mein* и

существительное *Beste* – *лучшая*, но данное существительное также имеет значение *бабушка*, что больше подходит к ситуации.

(92) – На прошлой неделе я здесь был, касторку покупал. Тут еще аптекарь с кислым лицом и с ослиной челюстью. Вот, **батенька**, челюсть! Такой именно Сампсон филистимлян избивал.

(92) – *In der vorigen Woche war ich hier und kaufte mir Rizinusöl. Hier wohnt ja der Apotheker mit dem sauren Gesicht und der Eselskinnlade. Das ist mal eine Kinnlade! Gerade mit so einer muß Simson die Philister verhauen haben.* (А.П. Чехов «Аптекарь»)

Диминутивное обращение *батенька* в примере (92) имеет статус восклицания, эмоционально окрашенного междометия, использованного при передаче яркого впечатления. В языке перевода данный диминутив полностью опускается и заменяется междометием *mal*.

(93) – Сделайте одолжение, **князь**, **голубчик**, сходите в кабинет, возьмите у него портрет и принесите сюда.

(93) – *Tun Sie mir den Gefallen, **bester Fürst**, gehen Sie in das Arbeitszimmer, lassen Sie sich von ihm das Bild geben und bringen Sie es her!* (Ф.М. Достоевский «Идиот»)

Обращение к князю посредством ласкового существительного *голубчик* содержит интенцию создания доброжелательной атмосферы; собеседник просит князя оказать ему услугу и намеренно радушно обращается к нему. На немецкий язык диминутив *голубчик* передан с помощью приема узуальной подстановки – прилагательным *bester*, имеющим значение *миленький, дорогой, лучший*.

(94) – Настасья Филипповна, полно, **матушка**, полно, **голубушка**, – не стерпела вдруг Дарья Алексеевна, – уж коли тебе так тяжело от них стало, так что смотреть-то на них!

(94) – *Nastasja Filippowna, laß es genug sein, **meine liebe Freundin**; laß es genug sein, **Täubchen!*** – *mischte sich Darja Alexejewna ein, die sich nicht länger*

beherrschen konnte. – Wenn sie dir alle so zuwider geworden sind, was brauchst du dich denn um sie zu kümmern? (Ф.М. Достоевский «Идиот»)

Дарья Алексеевна с помощью диминутивных единиц жалеет, успокаивает подругу, показывает свое близкое отношение к ней. Архаичность диминутивов усиливают частицы *коли* и *-то*. Диминутив *матушка* указывает на близкие дружеские отношения, и переводится на немецкий язык сочетанием притяжательного местоимения, прилагательного и существительного – *meine liebe Freundin*. Диминутивное обращение голубушка переведено посредством прямой подстановки – *Täubchen*.

(95) – Мы, маменька, сегодня пойдем гулять? – вдруг спрашивал он среди молитвы.

(95) – Mamachen, gehen wir heute spazieren? – fragte er plötzlich mitten im Gebet. (И.А. Гончаров «Обломов»)

Архаичное обращение *маменька* употреблено маленьким ребенком по отношению к своей матери. Здесь диминутив указывает на родственные отношения и передан в языке перевода с помощью прямой подстановки – *Mamachen*.

Примеры (96) – (100) содержат диминутивные единицы, образованные от имен собственных. В немецком языке большинство русских диминутивных форм имен аналогов не имеют, поэтому передаются таким способом перевода, как транслитерация:

(96) – Дуняша, – кликнула она, – принесите Митю (Фенечка всем в доме говорила вы). А не то погодите; надо ему платьице надеть.

(96) – Duniascha! – rief sie, – bringen Sie Mitia herein (Fenitschka duzte keinen der Dienstboten), aber, nein, warten Sie, man muß ihn erst umkleiden. (И.С. Тургенев «Отцы и дети»)

(97) – Эй, Игнашка? Что несешь, дурак? – спросит он идущего по двору человека.

– Несу ножи точить в людскую, – отвечает тот, не взглянув на барина.

(97) – *He, Ignaschka! Was trägst du, Dummkopf? – fragte er den über den Hof schreitenden Mann.*

– *Ich trage die Messer in die Gesindestube zum Schleifen hin, – antwortete dieser, ohne den Herrn anzuschauen.* (И.А. Гончаров «Обломов»)

(98) – Зачем? Куда? А Васька, а Ванька, а Захарка на что? Эй! Васька! Ванька! Захарка! Чего вы смотрите, разини? Вот я вас!...

(98) – *Wohin? Wozu? Und wozu sind der Wassjka, der Wanjka und der Sacharka da? He! Wassjka! Wanjka! Sacharka! Wo schaut ihr hin, ihr Tagediebe? Wartet nur!...* (И.А. Гончаров «Обломов»)

(99) – Дядя Петруша, – просят они [дети] дядю, – скажи маме, чтобы котят в детскую поставили. Ска-а-жи!

(99) – *Onkel Peter, – bitten sie, – sage Mama, sie soll die Kätzchen in die Stube bringen. Sag's ihr.* (А.П. Чехов «Событие»)

Русское имя *Петр* имеет аналог в немецком языке – *Peter*, поэтому и ласковая форма обращения к персонажу с именем *Петр* узуально переведена на немецкий язык.

(100) – Вы, Тетушка, посидите, – сказал ей хозяин, – а мы с дядюшкой попляшем камаринского.

(100) – *Sie, Tante, bleiben etwas sitzen, – sagte der Herr, – während wir mit Onkelchen die Kamarinskaja tanzen wollen.* (А.П. Чехов «Каштанка»)

В произведении А.П. Чехова «Каштанка» новый хозяин главной героини дает ей кличку *Тетка* (немецкий перевод – *Tante*). При употреблении диминутивной формы клички – *Тетушка* – немецкая форма не изменяется. В свою очередь *дядюшка* именем собственным не является, так герой называет своего кота в противопоставление имени *Тетушка*. Диминутив *дядюшка* передан с помощью прямой подстановки в немецком языке – *Onkelchen*.

Проанализировав способы перевода различных видов обращений, включенных в *четвертую* группу диминутивных единиц, мы можем сделать вывод, что обращения, произведенные посредством имен собственных, передаются на немецкий язык в основном при помощи приема транслитерации.

Обращения, произведенные нарицательными существительными, чаще всего переводятся приемом прямой подстановки с использованием уменьшительно-ласкательного суффикса *-chen*, или же приемом узуальной подстановки с применением прилагательных *best*, *lieb*, *jung* и притяжательных местоимений *mein*, *unser*.

2.1.5. Диминутивы, передающие национально-культурный аспект

Пятая группа представлена диминутивами, выражающими национально-культурный аспект. К ним относятся культурно-специфические элементы, характерные для русского языка, а также устойчивые выражения.

В примерах (101) – (104) представлены диминутивы, являющиеся культурно обусловленными лексическими единицами, не имеющие аналогов в немецком языке. Слова такого рода представляют собой характерные составляющие речевого портрета:

(101) – Ну, да погляди же на меня хорошенько! Такой же красавец, как и был! Такой же душонок и щеголь!

(101) – *Na, sieh mich mal ordentlich an! Ebensolch ein schöner Kerl, wie er war! Ebensolch ein Herzensbrecher und Stutzer!* (А.П. Чехов «Толстый и тонкий»)

Диминутив хорошенько переведен на немецкий язык наречием *ordentlich* – как следует.

(102) – Вот я и думаю в уме: пойду-ка к Макару. Чем к кому другому, так лучше уж к родному. И сделает лучше, и денег не возьмет. Далеконько немножко, оно правда, да ведь это что ж? Та же прогулка.

(102) – *Da dachte ich mir denn: gehen wir mal zu Makar. Anstatt zu jemand anderem zu gehen, geht man doch lieber zu seinem Verwandten. Der macht's besser und nimmt nichts dafür. Etwas weit ist's ja, aber das tut nichts – nur ein Spaziergang.* (А.П. Чехов «В циркульне»)

При переводе выражения *далеконько немножко* категория диминутивности не сохранена, однако при переводе предпринята попытка

передачи особенностей речевого портрета персонажа при помощи сокращений – *Etwas weit ist's*.

(103) Оставшись один, Макар Кузьмич садится и продолжает плакать **ПОТИХОНЬКУ**.

(103) *Nachdem Makar Kusjmitsch allein geblieben, setzt er sich und fährt fort, **leise** zu weinen.* (А.П. Чехов «В циркульне»)

В немецком варианте перевода диминутив *потихоньку* передан наречием *leise – тихо* с утратой категории диминутивности.

(104) Двое молодых людей, обменявшись многозначительным веселым взглядом, снялись с мест и **прямахонько** направились в буфет.

(104) *Zwei junge Burschen wechselten vergnügt vielsagende Blicke, erhoben sich und strebten **schnurstracks** der Theaterkantine zu.* (М.С. Булгаков «Мастер и Маргарита»)

В примере (104) диминутивным является наречие *прямахонько*, переведенное на немецкий язык с помощью сложносоставного наречия *schnurstracks – прямо, напрямиком* (досл. *путем прямым как веревка*).

(105) А за окном творилось что-то адское... Ветер отпевал кого-то, деревья гнулись с воем и плачем; какая-то **чертовщинка**, должно быть, ставня, жалобно скрипела и стучала по оконной раме.

(105) *Hinterm Fenster aber tobte die wahre Hölle... Der Wind sang eine Totenmesse, die Bäume beugten sich stöhnend und weinend; irgend ein **Satansding**, wahrscheinlich der Laden, quiekte kläglich und schlug ans Fenster.* (А.П. Чехов «То была она!»)

Диминутив *чертовщинка* также является национально-специфической лексической единицей, означающей *что-то странное, неладное*. Немецкий вариант перевода – *Satansding* – является преувеличенным по отношению к русскому диминутиву *чертовщинка*.

(106) – В качестве адъютанта мне много приходилось рыскать по уезду. То я ездил овес или сено покупать, то продавал жидам и панам бракованных

лошадей, а чаще всего, сударыни мои, под видом службы, скакал к панночкам на randevу <...>

(106) – *Als Adjutant mußte ich im Bezirk viel umherreisen. Bald fuhr ich, Hafer oder Heu einkaufen, bald verkaufte ich an die Juden oder Pans zurückgestellte Pferde, am häufigsten aber, meine Damen, fuhr ich, unter dem Vorwande des Dienstes, zu einem Rendezvous mit irgend einer Dame <...>* (А.П. Чехов «То была она!»)

Панночками (устар.) раньше ласково называли польских девушек, барышень. При переводе утрачивается как национально-культурная сема, так и симпатия и ласковость, выраженная в диминутиве *панночка* – *Dame*.

Диминутивныe выражения, представленные в примерах (109) и (110) являются идентичными по своему построению и также представляют собой национально-специфические лексические единицы:

(107) Долго не думая, она бросила свой деревенский домик и вдруг явилась в Петербург, прямо к Тоцкому, одна-одинехонька.

(107) *Ohne sich lange zu besinnen, verließ sie ihr kleines Gutshaus, reiste völlig allein nach Petersburg und begab sich dort geradewegs zu Tozki.* (Ф.М. Достоевский «Идиот»)

Краткое прилагательное *одна-одинехонька* содержит в себе сему малости, а также одиночества, безысходной покинутости. Диминутив вызывает чувство сострадания к персонажу и к его положению. При переводе на немецкий язык диминутивность не сохраняется – *völlig allein* – *целиком/полностью одинокий*.

(108) Он <...> уже не сетовал, когда от искусно прикрытого цветами обмана он оступался, а не падал, если только лихорадочно и усиленно билось сердце, и рад-радехонек был, если не обливалось оно кровью, если не выступал холодный пот на лбу <...>.

(108) *Er <...> klagte nicht einmal dann, wenn er vor dem mit Blumen geschmückten Betrüge zurücktrat und nicht fiel und wenn sein Herz nur fieberhaft und beschleunigt schlug, er war froh und glücklich, wenn es nicht von Blut*

überströmte, wenn ihm kein kalter Schweiß auf die Stirne trat <...>. (И.А. Гончаров «Обломов»)

Устойчивое выражение *рад-радехонек* также является кратким прилагательным и содержит смысловой оттенок безусловной радости. Диминутив узуально переводится на немецкий язык выражением *froh und glücklich* – *радостный и счастливый* с утратой диминутивного значения.

(109) – Надули Фердыщенко! Вот так надули! Нет, вот это уж так надули! – вскричал плачевным голосом Фердыщенко, понимая, что можно и должно **вставить слово**.

(109) – *Sie haben Ferdyschtschenko geprellt! Nein, wie haben Sie mich geprellt! Das ist zu arg! – rief Ferdyschtschenko weinerlich, da er sich sagte, daß er jetzt eine **Bemerkung machen** könne und müsse. (Ф.М. Достоевский «Идиот»)*

Содержащее диминутив выражение *вставить слово* является устойчивым выражением, содержащим сему незначительности по отношению к словам и мнению персонажа со стороны автора. Перевод выполнен с использованием приема альтернативной подстановки с утратой категории диминутивности: *Bemerkung machen* – *сделать/вставить замечание/комментарий*. В данном примере утрачивается просторечный характер.

(110) Он искал глазами палки. – **Батюшки!** Разбой! Помогите! – кричал Тарантьев. – Захар! Выбрось вон этого негодяя, и чтоб он не смел глаз казать сюда! – закричал Обломов.

(110) *Er suchte mit den Augen nach einem Stock. – **Hilfe!** Räuber! Hilfe!» schrie Tarantjew. – Sachar! Wirf diesen Schuft hinaus, und er soll sich hier nie mehr blicken lassen! – schrie Oblomow. (И.А. Гончаров «Обломов»)*

Восклицание *батюшки* имеет природу междометия и грамматический признак звательного падежа, что является культурной национально-специфической лексической единицей. В немецком варианте данный диминутив переведен при помощи узуальной подстановки зовом о помощи: *Hilfe!* – *Помогите!* Диминутивность в таком случае не передается.

Диминутивы, содержащиеся в примерах (111) – (113) являются устойчивыми идиоматичными выражениями, не имеющими эквивалента в немецком языке, поэтому в языке перевода данные выражения передаются сравнительными оборотами:

(111) Рябович укрылся с головой и, **свернувшись калачиком**, стал собирать в воображении мелькающие образы и соединять их в одно целое.

(111) *Rjabowitsch zog den Kopf unter die Decke, **wickelte sich wie ein Knäuel ein** und begann, in seiner Phantasie die flimmernden Gebilde zu sammeln und sie zu einem Ganzen zu vereinen.* (А.П. Чехов «Поцелуй»)

(112) Городской голова испытал неприятное чувство, похожее на сосание **под ложечкой**, но ненадолго.

(112) *Das Stadthaupt empfand ein unangenehmes Gefühl, als saugte ihm etwas **unter der Herzgrube**, aber das dauerte nicht lange.* (А.П. Чехов «Лев и солнце»)

(113) – Не притворяйтесь! – грозно сказал Иван и почувствовал холод **под ложечкой**, – вы только что прекрасно говорили по-русски.

(113) – *Tun Sie doch nicht so!* – sagte Besdomny drohend zu dem Konsultanten und fror **unterm Herzen**. – *Sie haben doch eben noch sehr schön russisch gesprochen.* (М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»)

(114) Поднявшись, он **на цыпочках**, солидно покачиваясь, пробрался между столов, прошел через гостиную, где танцевала молодежь.

(114) *Er stand auf und balancierte **auf den Fußspitzen** zwischen den Spieltischen hindurch in den Salon, wo die Jugend tanzte.* (А.П. Чехов «Мечь»)

Содержащее диминутив устойчивое выражение *на цыпочках* имеет аналог в немецком языке без категории диминутивности, и при переводе узуально передается выражением *auf den Fußspitzen*.

(115) – Приедут, между прочим, купцы Хтулкин и Переулков: для этих господ положены в передней лист бумаги и перо. **Каждый сверчок знай свой шесток**. Пусть распишутся и уйдут...

(115) – *Es werden unter anderem auch die Kaufleute Htulkin und Pereulchow kommen: für diese Herren liegen im Vorzimmer Papier und Feder auf. **Jedes***

Heimchen soll bei seinem Herde bleiben. Sie können ihre Namen einzeichnen und dann gehen... (А.П. Чехов «Раз в год»)

Поговорка *Каждый сверчок знай свой шесток* имеет эквивалент в немецком языке – *Jedes Heimchen soll bei seinem Herde bleiben.* Диминутивность в этом случае сохраняется.

(116) Опять у него **мурашки поползли по сердцу**; опять что-то лишнее оказалось там; опять ее ласковый и любопытный взгляд стал жечь его.

(116) **Es wurde ihm wieder seltsam ums Herz;** er fühlte darin wieder etwas Neues; ihr freundlicher, neugieriger Blick sengte ihn wieder. (И.А. Гончаров «Обломов»)

Устойчивое выражение русского языка мурашки поползли по сердцу узуально переведено на немецкий язык следующим образом: *Es wurde seltsam ums Herz* (досл. *Было странно на сердце*). Диминутивность не передается.

(117) – А старый-то нехристь хорош! – заметила одна мать. – **Точно котенка** выбросил на улицу: не обнял, не взвыл!

(117) – Und der alte Heide macht's auch gut! – bemerkte eine Mutter, – er hat ihn **wie eine junge Katz** auf die Straße hinausgeworfen, hat ihn nicht umarmt und hat nicht geweint! (И.С. Тургенев «Отцы и дети»)

Сравнительный оборот *Точно котенка выбросил на улицу* в данном примере применен к ситуации проводов Андрея Штольца его отцом во взрослую жизнь. Штолец сравнивается любопытными соседями с беспомощным маленьким котенком, которого родной отец выпроводил на улицу, не проявляя при этом никаких отцовских чувств. На немецкий язык выражение передано лексической трансформацией – оценочным прилагательным *jung* и нейтральным существительным *Katz*.

Таким образом, в *пятой* группе диминутивов основными приемами перевода являются узуальная подстановка и сравнительный перевод.

2.1.6. Диминутивы, относящиеся к профессионализмам и устойчивым наименованиям

Шестая группа примеров представлена диминутивными единицами, являющиеся терминами бытовой, профессиональной и естественно-научной речи. Как правило, варианты перевода таких лексических единиц категории диминутивности не имеют:

(118) Несколько головак репейника было срезано и старательно завернуто в бумагу.

(118) *Einige Distelköpfe wurden abgeschnitten und sorgfältig in Papier gehüllt.* (А.П. Чехов «Шведская спичка»)

(119) В течение года заведующий успел организовать кружок по изучению Лермонтова, шахматно-шашечный, пинг-понга и кружок верховой езды.

(119) *Im Laufe eines Jahres habe der Leiter einen Zirkel zum Studium Lermontows, einen Schach- und Damezirkel, einen Pingpong-zirkel und einen Reitzirkel eingerichtet.* (М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»)

(120) На табуретках с золочеными ножками сидел целый ряд дам, энергично топая в ковер заново обутыми ногами.

(120) *Auf Hockern mit vergoldeten Beinen saß eine ganze Reihe von Damen, die mit neubeschuhten Füßen energisch auf den Teppich stampften.* (М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»)

(121) Ополоумевший дирижер, не отдавая себе отчета в том, что делает, взмахнул палочкой, и оркестр не заиграл, и даже не грянул, и даже не хватил, а именно, по омерзительному выражению кота, урезал какой-то невероятный, ни на что не похожий по развязности своей марш.

(121) *Der schon halbverrückte Kapellmeister fuchtelte ohne Sinn und Verstand mit seinem Stab, und die Kapelle legte los — sie spielte nicht, dröhnte nicht, schmetterte nicht, sondern sie klamaukte nach dem gemeinen Ausdruck des Katers*

einen unwahrscheinlichen, an Frechheit nicht zu überbietenden Marsch.
(М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»)

(122) А потом, когда приходил ее час и **стрелка** показывала полдень, оно даже и не переставало стучать до тех пор, пока без стука, почти совсем бесшумно, не равнялись с окном туфли с черными замшевыми накладками-бантами, стянутыми стальными пряжками.

(122) *Wenn ihre Stunde heran war und der **Zeiger** auf Mittag stand, hörte das Herzklopfen gar nicht mehr auf, bis ihre Schuhe mit den schwarzen Wildlederschleifen und Stahlschnallen fast geräuschlos vor dem Fenster waren.*
(М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»)

(123) Иногда она сидела на корточках у нижних полок или стояла на стуле у верхних и тряпкой вытирала сотни пыльных **корешков**.

(123) *Manchmal hockte sie vor den unteren Regalbrettern oder stand auf einem Stuhl vor den oberen und säuberte mit einem Lappen Hunderte verstaubter **Bücherrücke**.* (М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»)

Проанализировав *шестую* группу примеров, состоящую из терминов профессионального и естественнонаучного дискурса, можно сделать вывод, что при переводе такой терминологии, содержащей диминутивные суффиксы, категория диминутивности не передается, так как эквиваленты данных номинаций, присутствующие в немецком языке, не содержат диминутивной характеристики.

2.2. Особенности перевода диминутивов

В связи с тем, что в русском языке по сравнению с немецким значительно шире используются синтетические выражения лексико-грамматических значений, например суффиксация, можно утверждать, что ресурсы диминутивных суффиксов в русском языке намного разнообразнее, чем в немецком. Учитывая этот факт, нам было интересно рассмотреть переводческие решения на примере исследованного лексического материала.

2.2.1. Полная передача лексической единицы с использованием диминутивного суффикса

(1) – Это что такое? – слышит Ваня сердитый голос.

– Это... это **котеночек**, папа...

(1) – *Was ist denn das? – hört Wanja seine erzürnte Stimme.*

– *Das... das ist ein **Kätzchen**, Papa...*

(2) Кроме кровати, **столика** и единственного стула, другой мебели в спальне не было...

(2) *Außer dem Bett, dem **Tischchen** und einem einzigen Stuhl waren im Zimmer weiter keine Möbel...* (А.П. Чехов «Шведская спичка»)

(3) По дачной платформе взад и вперед прогуливалась **парочка** недавно поженившихся супругов.

(3) *Aus dem Eisenbahnperron einer Sommerfrische spazierte ein jungverheiratetes **Pärchen**.* (А.П. Чехов «Дачники»)

(4) – Какая, однако, вы кокетка! – тихо хохочет доктор, глядя на нее исподлобья, плутовски. – **Глазенки** так и стреляют! Пиф! паф! Поздравляю: вы победили! Мы сражены!

(4) – *Wie Sie übrigens kokett sind! – lacht leise der Doktor, sie schelmisch von unten herauf ansehend. – Die **Äuglein** schießen nur so! Piff! paff! Ich gratuliere: Sie haben gesiegt! Wir sind gefangen!* (А.П. Чехов «Аптекарьша»)

2.2.2. Перераспределение значений (лексическая трансформация)

Под трансформацией понимается окказиональное, сознательное, мотивированное отступление от оригинала с целью более полной передачи подтекста (имплицитной информации, эмоционально-эстетических характеристик и коммуникативно-прагматических компонентов содержания, которые носитель языка перевода может и не заметить в силу отсутствия

соответствующих социокультурных и лингвострановедческих знаний, а также самостоятельное творческое решение на перевод при передаче языковых единиц, не имеющих непосредственных, прямых соответствий в переводящем языке (Латышев, 1988: 32-33).

Наиболее распространенным приемом при передаче диминутивных значений является прием лексической трансформации, главная цель которого состоит в передаче эмоционального состояния за счет перераспределения значений и добавления лексических единиц. При таком перераспределении возможно лексическое наращивание слова либо посредством прибавления диминутива к существительному в комбинации с именем прилагательным, либо отказ от суффикса и поиск лексических единиц, позволяющих наилучшим образом передать стилистическую коннотацию (Дзенс, 2007: 15).

(1) Вот уже **мостик** загремел под копытами и колесами, вот уже надвинулась аллея стриженных елок.

(1) *Schon dröhnte die **kleine hölzerne Brücke** unter den Hufen der Pferde und unter den Rädern; da ist die lange Allee von Tannen, die wie Mauern geschnitten sind.* (И.С. Тургенев «Отцы и дети»)

(2) На другой день Лапкин привез Коле из города краски и мячик, а сестра подарила ему все свои **коробочки из-под пилюль**. Потом пришлось подарить и запонки с собачьими мордочками.

(2) *Am nächsten Tage brachte Lapkin Kolja aus der Stadt einen Malkasten und einen Ball mit, die Schwester aber schenkte ihm alle ihre **hübschen Medizinschachteln**. Hernach mußte sie ihm auch die Manschettenknöpfe mit den Hundeköpfen schenken.* (А.П. Чехов «Злой мальчик»)

(3) Дворовые **мальчишки** бегали за дохтуром, как **собачонки**.

(3) *Die jungen **Domestiken** endlich folgten dem Doktor wie **junge Hunde**.* (И.С. Тургенев «Отцы и дети»)

(4) – **Местечко** в канцелярии я вам приищу, не тугое, но потребует аккуратности.

(4) – *Eine kleine Stelle auf einem Bureau werde ich Ihnen beschaffen, keine sehr anstrengende, aber sie wird Pünktlichkeit verlangen.* (Ф.М. Достоевский «Идиот»)

(5) – Разве в первый раз мальчишке этому, фавориту вашему, чужие слова коверкать! – с надменным негодованием ответила Аглая.

(5) – *Als ob es das erstemal wäre, daß dieser freche Junge, Ihr Liebling, anderer Leute Worte verdreht!* – antwortete Aglaja hochmütig und unwillig. (Ф.М. Достоевский «Идиот»)

(6) «Молокосос... – думал он, сердито ломая мелок. – Мальчишка... Не хочется только связываться, а то я показал бы тебе Собакевича!»

(6) «*Milchbart – dachte er, ärgerlich die Kreide zerbröckelnd. Dummer Junge... Ich möchte mich mit Dir nur nicht einlassen, sonst würde ich Dir den 'Brummbären' zeigen!*» (А.П. Чехов «Месть»)

(7) Попадались и речки с обрытыми берегами, и крошечные пруды с худыми плотинами, и деревеньки с низкими избенками под темными, часто до половины разметанными крышами, и покривившиеся молотильные сарайчики с плетеными из хвороста стенами и зевающими воротницами возле опустелых гумен, <...>.

(7) *Hier und da stieß man auch auf kleine Bäche, von nackten Ufern, oder auf Weiher, von schlechten Dämmen eingehegt; dann kamen arme Dörfer, deren niedrige Häuschen schwarze, zerfetzte Strohdächer trugen; armselige Scheunen zum Dreschen des Getreides, mit Wänden aus geflochtenen Baumzweigen und enormen, vor leeren Tennen gähnenden Toren; <...>.* (И.С. Тургенев «Отцы и дети»)

2.2.3. Узуальная подстановка

Термином «узус» (от лат. usus «пользование, употребление») (ЛЭС, 1990: 532) в переводоведении и межъязыковой коммуникации принято обозначать обычное, привычное для речи определенного языкового коллектива. Узуальное

употребление единиц языка фиксируется словарями: толковыми, орфографическими, орфоэпическими и др. Речевой узус позволяет выбрать наиболее удачный вариант на основании критерия «уместно/неуместно в ПЯ применительно к соответствующей ситуации». (Латышев, 1988: 83). Так, в немецком языке абсолютно узуальна фраза «*Wie spat ist es nun?*», в то время как в русском языке фраза «*Как поздно сейчас?*» неуместна, и ей должна соответствовать другая стандартизированная фраза: «*Который час?*».

Узус отражает языковые (речевые) привычки носителей языка. При нарушении узуса обычно делаются замечания типа: «У нас не принято так говорить», «Это не по-русски/не по-немецки» и т.п.

(1) Поехал я в Кляузовку и давай вокруг нее описывать спираль. Посетил я на пути все лавочки, кабачки, погребки, спрашивая всюду шведские спички.

(1) *Ich fuhr nach Kljausowka und begann um das Gut eine Spirale zu beschreiben! Unterwegs besuchte ich alle Kramläden und Dorfschänken und fragte überall noch schwedischen Zündhölzchen.* (А.П. Чехов «Шведская спичка»)

(2) Щукина завернула в платочек деньги, спрятала и, сморщив лицо в сладкую, деликатную, даже кокетливую улыбочку, спросила:

– Ваше превосходительство, а нельзя ли моему мужу опять поступить на место?

(2) *Die Schtschukina wickelte das Geld in ihr Taschentuch, steckte es ein und fragte, ihr Gesicht in einem süßen, delikaten und sogar etwas koketten Lächeln verziehend:*

– *Ew. Excellenz, könnte mein Mann nicht vielleicht seine alte Stellung wieder einnehmen?* (А.П. Чехов «Беззащитное существо»)

(3) – А какой я был сорванец, буйная головушка, вы и представить себе не можете.

(3) – *Und was ich für ein Wagehals, für ein Teufelskerl war, können Sie sich garnicht vorstellen.* (А.П. Чехов «То была она!»)

(4) Свежевымытые оконные стекла робко заигрывают с весенним солнышком.

(4) *Die hell gescheuerten Scheiben kokettieren schüchtern mit der Frühlingssonne.* (А.П. Чехов «Раз в год»)

(5) – Не притворяйтесь! – грозно сказал Иван и почувствовал холод под ложечкой, – вы только что прекрасно говорили по-русски.

(5) – *Tun Sie doch nicht so!* – sagte Besdomny drohend zu dem Konsultanten und fror unterm Herzen. – *Sie haben doch eben noch sehr schön russisch gesprochen.* (М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»)

(6) Иногда она сидела на корточках у нижних полок или стояла на стуле у верхних и тряпкой вытирала сотни пыльных корешков.

(6) *Manchmal hockte sie vor den unteren Regalbrettern oder stand auf einem Stuhl vor den oberen und säuberte mit einem Lappen Hunderte verstaubter Bücherrücke.* (М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»)

(7) Опять у него мурашки поползли по сердцу; опять что-то лишнее оказалось там; опять ее ласковый и любопытный взгляд стал жечь его.

(7) *Es wurde ihm wieder seltsam ums Herz; er fühlte darin wieder etwas Neues; ihr freundlicher, neugieriger Blick sengte ihn wieder.* (И.А. Гончаров «Обломов»)

2.2.4. Альтернативная подстановка

Несовпадение лексических систем и объема понятийного содержания единиц языков объясняется национально-культурной спецификой познавательных процессов, «языкового мышления», а соответственно и различием национальных языковых «картин мира».

Прием альтернативной подстановки имеет место при передаче многозначных слов и слов с широкой понятийной основой, для которых характерна множественная семантическая эквивалентность, предполагающая поиск нужного семантического соответствия на основании учета условий

контекста – таких, как: сочетаемость с определенными словами, вхождение в состав определенной синтаксической модели, свободный и устойчивый характер сочетания или предложения и т.д.

(1) Не правильнее ли думать, что управился с ним кто-то совсем другой? – и здесь незнакомец рассмеялся **странным смешком**.

(1) *Ist es nicht richtiger, anzunehmen, daß ein anderer ihn so gelenkt hat?" Hier ließ der Unbekannte ein **seltames Kichern** hören.* (М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»)

(2) Естественно, **купчина** струсит и сейчас же донесет полиции, а полиция засядет к шести часам в кусты – и цап-царап его, **голубчика**, когда он за письмом полезет!

(2) *Natürlich wird die **Krämerseele** einen Schreck kriegen und es sofort der Polizei anzeigen. Die Polizei wird sich gegen sechs Uhr im Gebüsch verstecken und den **Knaben** fassen, wenn er kommt, um den Brief abzuholen!* (А.П. Чехов «Мечь»)

(3) – Я раз дорогою закрыл глаза и вообразил себе **поросеночка** с хреном, так со мной от аппетита истерика сделалась.

(3) – *Einmal schloß ich unterwegs die Augen und stellte mir in der Phantasie ein **Spanferkel** mit Meerrettig vor – ich bekam vor lauter Appetit beinahe einen hysterischen Anfall.* (А.П. Чехов «Сирена»)

(4) – Глаза, понимаешь, Васичка, черные-пречерные, как у-уголь, **морденка татарская**, глупая такая, смешная... Я его вот как держала! Вот!

(4) – *Augen hatte er, schwarz, pechschwarz, wie eine Kohle, verstehst Du, Wassitschka, ein **tatarisches Fratzchen**, so dumm und komisch... Ich hielt ihn stramm! So!* (А.П. Чехов «Длинный язык»)

2.2.5. Транслитерация

Такой прием перевода, как транслитерация – передача графического облика иноязычного слова (Дзенс, 2007: 36) – широко используется при передаче имен собственных или реалий, т.е. безэквивалентной лексики.

Сложность перевода собственных личны́х диминутивных имен с русского языка на немецкий заключается еще в том, что в русском языке разнообразие диминутивных форм чрезвычайно велико, т.к. одно и то же личное имя может иметь несколько диминутивных форм с различными оттенками (Федоров, 2002: 154). Число таких производных форм может достигать до нескольких десятков: *Анна – Анночка, Аннушка, Аннуся (Аннюся), Аня, Нюша, Анюта, Нюта, Ануся* и т.д. Немецкий же язык в противовес русскому располагает всего двумя диминутивными суффиксами *-chen* и *-lein* и такие формы личных имен, как, например, *Настюшка* или *Володенька* с такой ласкательностью, просто не могут быть адекватно переведены на немецкий язык.

(1) – Но лучше всего, благодетель мой, **боршок** из свеклы на хохлацкий манер, с ветчинкой и с сосисками.

(1) – *Am besten aber, mein Verehrtester, ist ein **Borstschock** aus Beeten auf kleinrussische Art mit etwas Schinken und Wiener Würsteln.* (А.П. Чехов «Сирена»)

(2) – Эй, **Игнашка?** Что несешь, дурак? – спросит он идущего по двору человека.

– Несу ножи точить в людскую, – отвечает тот, не взглянув на барина.

(2) – *He, **Ignaschka!** Was trägst du, Dummkopf? – fragte er den über den Hof schreitenden Mann.*

– *Ich trage die Messer in die Gesindestube zum Schleifen hin, – antwortete dieser, ohne den Herrn anzuschauen.* (И.А. Гончаров «Обломов»)

(3) – **Макарушка**, здравствуй, свет! – говорит он Макару Кузьмичу, увлекшемуся уборкой.

(3) – *Guten Tag, **Makaruschka!** – begrüßt er Makar Kusjmitsch, der sich in seine Arbeit vertieft hat.* (А.П. Чехов «В циркульне»)

(4) – **Дуняша**, – кликнула она, – принесите **Митю** (**Фенечка** всем в доме говорила вы). А не то погодите; надо ему платьице надеть.

(4) – ***Duniascha!** – rief sie, – bringen Sie **Mitia** herein (**Fenitschka** duzte keinen der Dienstboten), aber, nein, warten Sie, man muß ihn erst umkleiden.* (И.С. Тургенев «Отцы и дети»)

В результате анализа переводческих решений мы выяснили, что в большинстве случаев категория диминутивности не передается в языке перевода. Переводчик делает попытки сохранить сему «малости, незначительности», однако при этом теряет коннотативное значение диминутива. Чаще всего используется прием лексической трансформации, а именно перераспределения значений с переносом дополнительной коннотации на оценочное прилагательное.

Образный потенциал русского и немецкого языков неодинаков. В русском языке он связан в первую очередь с суффиксами субъективной оценки, что обусловлено способностью этих единиц передавать одновременно значения размерности и различного вида оценочности. В немецком языке использование диминутивных суффиксов ограничено. Данные несовпадения создают определенные проблемы при переводе художественных произведений. Сохранение индивидуального своеобразия художественного текста и адекватная передача словообразовательных средств, содержащихся в нем, достаточно трудная проблема для переводчиков. Сложность ее решения обусловлена несовпадением выразительных возможностей единиц словообразования в различных языках, что вызывает потери при передаче коннотативного содержания новообразований текста оригинала.

Выводы по главе II

В своем исследовании мы рассмотрели категорию диминутивности в широком ее понимании с точки зрения наличия прагматической направленности. Диминутив может указывать как на уменьшение, так и на интенсивность проявления признака, интенсивность действия, преуменьшение значимости какого-либо события или факта и т.д.

В результате анализа переводческих решений мы выяснили, что в большинстве случаев категория диминутивности не передается в языке перевода. Чаще всего при переводе использовалась прямая подстановка с употреблением уменьшительно-ласкательных суффиксов, а также прием перераспределения значений с переносом дополнительного оттенка значения на оценочное прилагательное. Кроме того, был использован прием узуальной подстановки при переводе тех слов и словосочетаний, полного эквивалента которых не существует в немецком языке. При передаче реалий и имен собственных русского языка был применен прием транслитерации.

Образный потенциал русского и немецкого языков неодинаков. В русском языке он связан в первую очередь с суффиксами субъективной оценки, что обусловлено способностью этих единиц передавать одновременно значения размерности и различного вида оценочности. В немецком языке использование диминутивных суффиксов ограничено. Данные несовпадения создают определенные проблемы при переводе художественных произведений. Сохранение индивидуального своеобразия художественного текста и адекватная передача словообразовательных средств, содержащихся в нем, является достаточно сложной проблемой для переводчиков. В результате в языке перевода не редкими являются случаи потери коннотативного содержания новообразований текста оригинала.

Заключение

В ходе выполнения выпускной квалификационной работы были решены все задачи, поставленные во введении. Цель исследования – *определить коммуникативно-прагматические особенности диминутивов при их функционировании в языке художественной литературы XIX – XX веков, а также проанализировать способы перевода диминутивных единиц русского языка на немецкий язык и степень передачи смысла категории диминутивности русского языка в немецких переводах произведений художественной литературы* – реализована.

Мы исследовали категорию диминутивности русского и немецкого языков на словообразовательном уровне. В результате анализа словообразования русского языка, в частности раздела о суффиксах субъективной оценки, мы придерживаемся мнения Е.М. Галкиной-Федорук, которая считает, что слова с суффиксами экспрессии и ласкательности следует рассматривать в разделе лексики, поскольку они образуют особые «лексические формы» слов, а слова с уменьшительными суффиксами в разделе словообразования. Помимо этого, мы выяснили, что категория диминутивности может реализоваться не только на семантическом уровне, но и отражать прагматический аспект. В нашей работе мы выявили, что прагматический аспект диминутивности заключается в выражении субъективного эмоционально-оценочного отношения говорящего к предмету речи и его реализация определяется коммуникативной ситуацией, коммуникативными задачами, потребностями и установками говорящего, ролевой структурой речевого акта и коммуникативной компетенцией.

Нами были выявлены основные особенности перевода диминутивов в художественном тексте с русского на немецкий язык. При переводе коннотативные значения диминутивов в большинстве случаев не были переданы. Чаще всего при переводе использовались такие приемы, как прямая

подстановка с употреблением уменьшительно-ласкательных суффиксов и лексическая трансформация, а именно перераспределение значений с переносом дополнительной коннотации на оценочное прилагательное. Также был использован прием узуальной подстановки при передаче тех слов и словосочетаний, полного эквивалента которых не существует в немецком языке. При выполнении перевода реалий и имен собственных русского языка применялся прием транслитерации.

Исследование категории диминутивности было проведено в контрастивном сравнительном аспекте – были рассмотрены диминутивные единицы, взятые из произведений русской художественной литературы, в сопоставлении с их переводом на немецкий язык. Таким образом, мы рассмотрели диминутивность как национально-специфическую смысловую категорию. Для немецкого языка диминутивность является незначительной категорией, в то время как для русского человека, с одной стороны, диминутивы обозначают размерность или интенсивность проявления признака, а с другой стороны, они способны передавать целую гамму дополнительных коннотаций. В русском языке с помощью диминутивов отражается субъективная эмоциональность, в отдельных случаях с оттенком избыточности, так как менталитет русского человека имеет склонность к преувеличению.

Расширение сферы понимания диминутивности поможет в значительной степени улучшить качество художественного перевода, в котором данный концепт имеет принципиальное значение с точки зрения интерпретации слов автора и отдельных персонажей. В случае отдельных опущений категории диминутивности из перевода необходимо компенсировать те компоненты лексико-семантического значения диминутива, которые определили необходимость его использования автором данного текста.

Библиографический список

1. Аксаков К.С. Опыт русской грамматики / К. С. Аксаков. – М.: Либроком, 2011. – 232 с.
2. Алексеева И.С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. / И.С. Алексеева — М.: Изд. центр «Академия», 2004. – 352 с.
3. Арутюнова Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н.Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике / общ. ред. Е. В. Падучевой. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 21–38.
4. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. – 341 с.
5. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей теории перевода): учебник / Л.С. Бархударов – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
6. Вакулич Л.А. Диминутивы и аугментативы // Личность-слово-социум: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., 28-29 апреля 2008 г. Ч.1.: Минск: Паркус плюс, 2008. – 256 с.
7. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык: Учебник / Под редакцией Н.С. Валгиной. – 6-е изд., перераб. и доп. – М: Логос, 2002. – 528 с.
8. Вахтель Н.М. Основы прагмалингвистики. Учебно-методическое пособие для вузов. – Воронеж.: Изд-во Воронежского ГУ, 2008. – 34 с.
9. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д.Шмелева под ред. Т.В.Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С.263-305.

10. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. Отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
11. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки/ Е.М. Вольф. – М: Наука, 1985. – 228 с.
12. Горбунова Л.И. Язык как знаковая система особого рода: учеб. пособие/ Л. И. Горбунова. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. – 108 с.
13. Графева Т.А. Смысловая структура эмотивных предикатов. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, – 1991. – 295 с.
14. Демьянков В.З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1981. Т.40. № 4. С.368-377.
15. Дзенс Н.И., Перевышина И.Р., Кошкарров В.А. Теория и практика перевода: учебное пособие. – СПб.: Антология, 2007. – 560 с.
16. Дмитриева А.А. Средства выражения экспрессивности и оценки в поэтическом дискурсе (на материале текстов Д. Быкова): вып. квал. бакалав. раб. / Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. Новосибирск., 2015. – 92 с.
17. Долозова О.Н. Формальные и функционально-семантические особенности категории диминутивности (на материале ительменского языка): дис.канд.фил. наук/ Санкт-Петербургский государственный университет. С-П., 2007. – С. 34-36
18. Земская Е.А. Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / Отв. ред. Е.А. Земская и Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1993. – 224 с.
19. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.

20. Красильникова Г.В. Имя существительное в русской разговорной речи. Функциональный аспект. – М.: Наука, – 1990. – 126 с.
21. Красногорцев Л.К. Словообразовательные варианты слов // Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 1976. – 19 с.
22. Кузьменкова В.А. Диминутив как средство выражения имплицитных смыслов высказывания // Язык. Сознание. Коммуникация. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 38-45.
23. Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. – М.: Просвещение, 1988. – 160 с.
24. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск; 1986. – 148 с.
25. Макарчев Б.В. Словообразовательные возможности некоторых диминутивных суффиксов в английском и немецком языках // Вопросы германской филологии. – М., Кемерово, 1973. – 182 с.
26. Мыркин В.Я. Диминутивные существительные в русском и немецком языках (сопоставительный анализ). – Архангельск: Изд-во гос. пед. ун-та, 1991. – 25 с.
27. Мыркин В.Я. Язык-речь-контекст-смысл. Учебное пособие. – Архангельск: Изд-во Поморского педуниверситета, 1994. – 97 с.
28. Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова. Воронеж: Изд-во Воронежского ГУ, – 1990. – 175 с.
29. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: Учебное пособие. – СПб., 1996. – 760 с.
30. Олешков М.Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект: учеб. пособие для студентов фак. рус. яз. и лит.:

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.
– Нижний Тагил, 2006. – 146 с.

31. Печатников А.Д. Суффиксальное словообразование в русском языке и некоторые их соответствия в английском, французском и немецком языках // ИЛШ. 1950. – № 1 – № 6. – С. 25-32.
32. Серебренников Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 87-107.
33. Степанова М.Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке: Учеб. пособие для филологических факультетов университетов и институтов иностранных языков. – М.: Высш. шк., 1984. – 264 с.
34. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика / И. П. Сусов. – Винница: Нова Книга, 2009. – 272 с.
35. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 141 с.
36. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. пособие. – 5-е изд. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; – М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. – 416 с.
37. Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н.И. Формановская. – М.: Русский язык, 1982. – 292 с.
38. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. Монография. – М.: Русский язык, 2002. – 216 с.

39. Харченко В.К. Диминутивы в профессиональной речевой культуре // Язык профессионального общения и лингвистические проблемы: сб. ст. междунар. науч.-практ. семинара. – Белгород, 2009. – С. 257-261.
40. Шахматов А.А. Современный русский язык: учение о частях речи / А. Шахматов. – М.: Учпедгиз, 1952. – 271 с.
41. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. – М.: Учпедгиз, 1941. – 620 с.
42. Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. – Волгоград: Волгогр. пед. ин-т, 1983. – 91 с.
43. Шаховский В.И. Эмоционально-субъективная оценка в языке детей (на материале английского языка) // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. – Горький, 1968. – 125 с.
44. Шаховский В.И. Эмоционально-экспрессивная функция диминутивных суффиксов // Вопросы германской филологии. Волгоград, – 1968. – 210 с.
45. Anna Wierzbicka. I. Introduction // Wierzbicka, A. Understanding Cultures through their Key Words: English, Russian, Polish, German, Japanese. – New York: Oxford University Press, 1997. – 315 p.
46. Bratus V.V. The formation and expressive use of diminutives. – London: Cambridge University Press, 1969. – 70 p.

Словари

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Директмедиа Паблшинг, 2008. – 5987 с.

3. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителя – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
4. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / под ред. М.Д. Степановой. – М.: Рус. яз., 1979. – 536 с.
5. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

Фактический материал

1. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. – СПб.: Азбука, 2015. – 416 с.
2. Гончаров И.А. Обломов. – М.: АСТ, 2018. – 576 с.
3. Достоевский Ф.М. Идиот. – М.: ЭКСМО, 2008. – 672 с.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>.
5. Толстой Л.Н. Анна Каренина: роман. – М.: Слово/Slovo, 2008. – 699 с.
6. Тургенев И.С. Отцы и дети. – М.: Детская литература, 2017. – 300 с.
7. Чехов А.П. Избранные сочинения. В 2-х т. Т. 1. Вступ. статья и сост. Г. Бердникова; Примеч. В. Пересыпкиной; Ил. худож. С. Алимова. – М.: Худож. лит., 1979. – 702 с.
8. Anton Tschechow. Erzählungen. Sammlung aus dem Projekt Gutenberg-DE 2017. [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/-9551/1>
9. Dostojewski Fjodor Michailowitsch. Der Idiot. Roman in vier Teilen. Deutsch von Hartmut Herboth. – Berlin: Berlin und Weimar, Aufbau Verlag, 1986. – 423 S.

10. Iwan Gontscharow. Oblomow. Übers. v. Clara Brauner. Vollständiger, durchgesehener Neusatz mit einer Biographie des Autors bearbeitet und eingerichtet von Michael Holzinger. – Zürich: Manesse Verlag, 1960. – 763 S.
11. Iwan Sergejewitsch Turgenev. Gesammelte Werke: Romane + Erzählungen + Gedichte in Prosa. Übersetzer: Alexander Eliasberg, Adolf Gerstmann, Friedrich von Bodenstedt, Th. Comminchau. – Berlin: E-artnow, 2014. – 869 S.
12. Lew Tolstoi. Anna Karenina. Aus dem Russischen von Hermann Asemissen. – Berlin: Aufbau Verlag, 2010. – 1229 S. [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.aufbau-verlag.de>.